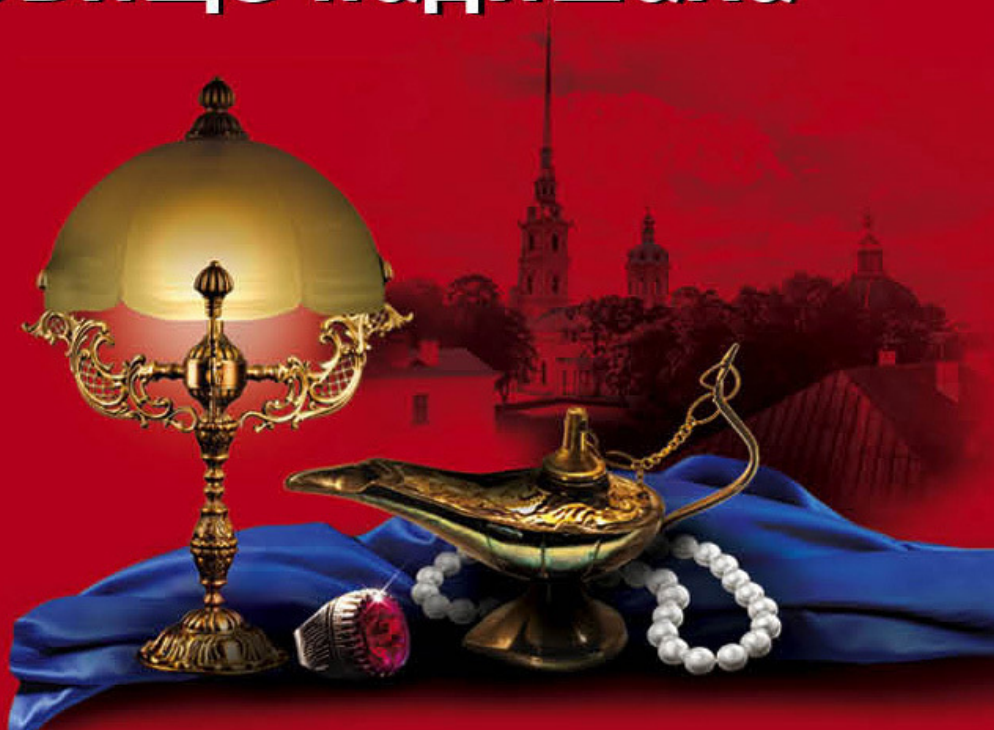

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Старинный перстень
с кроваво-красным
камнем «Кровь
падишаха» несет
в себе зловещее
проклятие...

Ольга БАСКОВА

Сокровище падишаха

Артефакт & Детектив

Ольга Баскова

Сокровище падишаха

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Баскова О.

Сокровище падишаха / О. Баскова — «Эксмо»,
2019 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-04-101373-8

По легенде, старинный перстень с кроваво-красным камнем «Кровь падишаха» приносит своему владельцу только беды и несчастья. Украшение было проклято много веков назад, но до сих пор, насытившись кровью врагов своего хозяина, кольцо жаждало крови владельца. Никто не знал, как перстень оказался в русской дворянской семье, не принося несчастий ни им, ни их друзьям. Вероятно, эти люди никому не желали зла, и древний артефакт задремал до поры до времени, пока что-то не про-будило его дьявольскую силу... О том, что ее семья владеет перстнем «Кровь падишаха», Галя узнала только в день смерти матери, которая просила дочь избавиться от реликвии. И хотя Галя всерьез слова матери не восприняла, продать украшение она все же решилась. И вскоре убедилась в том, что легенда не так уж далека от истины...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101373-8

© Баскова О., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Пролог	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	21
Глава 6	23
Пролог	27
Часть 1	29
Глава 1	29
Глава 2	43
Глава 3	45
Часть 2	49
Глава 1	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Ольга Баскова

Сокровище падишаха

Пролог

Глава 1 XVII век

Хурмат, расстелив скатерть, накрывала на стол. Еда, как всегда, была жирной и сытной: жареная баранина, ароматная, щедро одобренная пряностями шурпа, тушеные и свежие овощи, лепешки и холодное козье молоко в глиняном кувшине. Поставив на скатерть последнюю тарелку, она, поглаживая руками огромный живот (долгожданный сын должен был родиться через месяц), присела на плетеный стул и тяжело задыхалась, обхватив руками покрытую черным платком голову. По преждевременному постаревшему смуглому лицу с длинным тонким носом и огромными, как у газели, глазами бисеринками рассыпались капли пота. Когда-то муж, юный отпрыск княжеского рода, шепча ей слова любви, клялся, что эти капельки напоминают ему жемчужинки и делают ее еще красивее, и девушка, смеясь, все равно смахивала их, веря и не веря его комплиментам. Возможно, тогда (боже, как это было давно!) они действительно так и выглядели на бархатной коже. Теперь же бархатистость исчезла, и кожа уже не напоминала лепесток розы, скорее сморщенную икру печеного яблока. Шутка ли – родить Ахмату пятерых за тринадцать лет и вскоре одного за другим похоронить троих! Умирали мальчики, которые, родившись, обещали стать гордостью отца, перенять от него секреты военного искусства, составить компанию в набегах на обнаглевших казаков. Но маленьким кавказцам не было суждено сделаться настоящими джигитами. Зато девочки – старшая Гюльжан и младшая Зарема – росли крепенькими и уже слыли красавицами. Это замечали все, и Ахмат в последнее время запретил дочкам помогать матери по дому, взвалив все тяготы быта на беременную жену. Его мать, довольно крепкая старуха, высокая и костистая, по кавказской традиции сидела во дворе, одним глазом приглядывая за детьми, а другим косясь на батраков – русских пленников, и прикрикивала на них низким хриловатым голосом.

– Чего расселась? – Ахмат, наклонившись, чтобы не удариться о притолоку, зашел в комнату и покосился на женщину. Он не любил, когда она сидела без дела. – Что, обед готов, мать звать?

– Меду хотела поставить, – отозвалась Хурмат, прикладывая руку к сердцу. Оно билось, как подстреленная птичка. Женщина до смерти боялась супруга, не раз таскавшего ее за волосы по всему дому.

– Так ставь, чего ждешь? Мать кормить надо, – он взглянул в окно. Старуха, будто почувствовав, что ее ждет вкусный обед, поднялась с тахты. Как во всех черкесских семьях, они не садились за один стол, ели по очереди, по старшинству. Сейчас усядется старуха, будет глотать самые вкусные куски, роняя крошки на дорогой ковер и шамкая беззубым ртом. Потом ее место займет Ахмат, а жене, как всегда, придется доедать то, что останется после них. Хурмат, тяжело вздохнув, попыталась приподняться, но перед глазами поплыли красные круги, и женщина снова опустилась на стул.

– Гюльжан, дочка, – позвала она двенадцатилетнюю чернявую девочку, которая, прислонившись к дверному косяку, ожидала приказа. – Принеси, дорогая, баночку с медом. И пару лепешек захвати.

Дочка метнулась было исполнять просьбу матери, однако отец остановил ее, схватив за маленькую белую ручку так сильно, что на ней остались красные следы.

– Э-э, постой, – рявкнул он, – никуда не ходи. А ты не развалишься, если сама это сделаешь.

– Ноги болят, – призналась жена, задыхаясь, – видно, скоро уже. Гюльжан справится, а я отдохну.

Смуглое лицо Ахмата налилось кровью.

– Я сказал, это сделаешь ты! – Его рука произвольно потянулась к кинжалу, висевшему на поясе, и Хурмат в ужасе отшатнулась. – У моей дочери никогда не будет грубых ладоней. Через год мы поедем на рынок, и я продам ее в гарем султана. Ей уготована другая участь. Моя Гюльжан станет женой самого могущественного на свете.

Тонкие бесцветные губы Хурмат пытались растянуться в жалкой улыбке. Так улыбаются приговоренные к смерти последнему лучу солнца.

– Ты, верно, шутишь, Ахмат, – прошептала она. – Наша дочь княжеских кровей. Она никогда не станет наложницей султана.

– Молчи! – Князь почти вытащил кинжал из серебряных инкрустированных ножен – подарок деда. – Это решено без тебя. Гюльжан будет красавицей и обязательно попадет на ложе падишаха.

Бедная женщина всхлинула, вытирая слезы, покотившиеся из глаз по побледневшим щекам с глубокими морщинами у запавшего рта, встала со стула, окинув взглядом стол, и медленно, утиной походкой отправилась во двор. Она почти столкнулась со свекровью, плывшей, как пава, и не обратившей никакого внимания на невестку. Хурмат подумала, что кто-то, а эта старуха всегда будет заодно со своим сыном и не заступится за внушек. Ее всегда интересовали только деньги, деньги и золото, и она продала бы кого угодно за туго набитые кошельки. Если Гюльжан и вправду приглянется визирям падишаха, они отсыпят Ахмату достаточно звонких монет.

Выйдя во двор, женщина присела на завалянку, улыбнувшись одному лохматому русскому, который доброжелательно подмигнул ей. Этот крепкий человек, неизвестно как превратившийся в раба ее мужа, казалось, всегда относился к ней с сочувствием, и если бы она хоть немного понимала по-русски, обязательно поговорила бы с ним, излила душу. Его серые честные глаза говорили, что он никогда никого бы не выдал, и Ахмат никогда бы не узнал, что она опустилась так низко – поведала батраку сокровенные тайны семьи. Сероглазый работник, еще раз подмигнув хозяйке, снова взялся за мотыгу, перекапывая огород, и Хурмат подумала, что все еще может закончиться хорошо. Подданные падишаха покупали красивых девочек не раньше, чем им минет тринадцать, значит, у Гюльжан есть целый год. За год утечет много воды... Ее муж может передумать, может, в конце концов, умереть... Как только в ее голове возникла крамольная мысль, она вспыхнула, как мак, и закрыла лицо руками. Год, целый год впереди! Она постарается переубедить Ахмата. Когда родится сын, это смягчит его жестокое сердце. И тогда... Тогда у Гюльжан появится шанс остаться в родной деревне и найти себе суженого по сердцу.

«Да поможет мне Аллах», – подумала бедняжка, поглаживая живот и успокаивая сына, неистово колотившего ручками и ножками по чреву матери.

Год пролетел незаметно, словно вихрь по пустыне. Хурмат действительно родила сына, но мальчик умер, прожив всего два месяца, и Ахмат, заметно постаревший от свалившегося на него горя, снова вспомнил о старшей дочери. Князь узнал, когда слуги падишаха при-

едут на рынок за будущими налогоплательщиками, и приказал служанкам подготовить девочку к этому дню. Для юной черкешенки все это походило на забавную игру. Обычно на нее мало кто обращал внимание. Бабушка и отец только прикрикивали, когда она, заигравшись, слишком шумно выражала свои эмоции и теребила младшую сестру, мать, постоянно беременная, как ей казалось, вечно чем-то озабоченная, порой хватала ее в объятия и начинала неистово ласкать, покрывая поцелуями маленькое личико, потом резко отпускала, давала какое-то наставление и снова погружалась в свои думы, почти не обращая внимания на ребенка. Гюльжан росла, как дикий цветок, не стесненная в своей свободе, пока ее не выдернули из привычного мирка, не облачили в красивую одежду, не расчесали густые иссиня-черные волосы и не повезли в повозке, запряженной двумя красивыми вороными конями, на рынок. Девочка никогда до этого не была на базаре, но сразу догадалась, что это базар. Тысячи голосов, звонких, хриплых, теноров, баритонов, басов предлагали товары – от заморских фруктов до дивных тканей. Гюльжан подумала, что отец хочет сделать ей подарок, и потянула его к бусам, которые продавала женщина, с ног до головы укутанная в черное, однако Ахмат, не сворачивая, тащил ее по протоптанной дороге к концу рынка. Там, под сооруженным навесом, стояли три девочки, такого же возраста, как она, и четверо смуглых рослых мужчин, одетых не так, как жители их деревни, явно чужеземцев. Один из них, самый высокий, в шароварах, расшитых золотыми нитями, посмотрел зубы ее соседки Мананы, будто лошади, нахмурился, словно чем-то недовольный, и покачал головой, пробормотав какую-то тарабарщину. Отец Мананы, прижав руки к груди, что-то горячо зашептал ему, однако чужеземец был непреклонен. Когда же черкес показался ему особенно назойливым, он толкнул девочку в объятия родителя и повернулся к другим, ожидавшим своей очереди. Мужчина в широких шароварах осмотрел еще двух, пока не остановил взгляд на Гюльжан. Его ястребиный взор, казалось, проникал в самые сокровенные уголки тела. Девочка смутилась, сжалась, стала меньше ростом. Чужеземец быстро открыл ей рот огромной ручищей, и бедняжка закашлялась и стиснула зубы. Она успела заметить, что руки незнакомца были грязными, под ногтями выделялась черная кайма. Гюльжан затопило, и Ахмат, зло посмотрев на дочь, что-то сказал мужчине в шароварах. Тот кивнул, понимая или не понимая, сильным движением разжал девочке челюсти и, взглянув на ровные жемчужные зубы, удовлетворенно хмыкнул. Густые черные волосы, с которых грубая рука стащила платок, тоже, по-видимому, ему понравились, и Гюльжан с девочкой ее возраста, вероятно, из соседней деревни, повели к повозке. Отец взял у чужеземца увесистый кошелек, взвесил его на руке, довольно улыбнулся узкими губами, потом подошел к дочери и помог ей усесться на тюки с соломой, сверкнул черными жгучими глазами на прощание, пробурчав: «Слушайся во всем своего господина», – и повозка тронулась. Только сейчас до бедняжки дошло, что она может никогда больше не увидеть родную деревню, маму, сестру... Мама... Но где же она?

– Гюльжан! – раздался надрывный стон, когда повозка тронулась, заскрипев плохо смазанными колесами. – Гюльжан, девочка моя!

Простоволосая, босая, к ней бежала Хурмат, глотая слезы и пыль.

– Девочка моя, бедняжка!

– Мама, мамочка! – Девочка привстала и покачнулась, намереваясь выпрыгнуть из повозки и веря, что мать защитит ее, не даст чужеземцу увезти в неведомые края к какому-то господину, но Ахмат, будто сторожевая собака, перехватил жену, стиснул ее худую руку и силой потащил домой. И долго еще стоял у ушей Гюльжан надрывный стон матери. Повозка давно выехала из деревни, покачиваясь на горной извилистой дороге, а девочка оглядывалась назад, словно ждала, что мать догонит ее, отнимет у тех, кому отец слепо доверил ее судьбу, но ничего не произошло.

– Как тебя зовут? – шепнула ей на ухо ее новая подруга, тоже смуглая, черноволосая, с чуть раскосыми глазами-черносливами. – Меня – Зейнаб.

– Гюльжан, – нехотя отозвалась бедняжка. Ей не хотелось разговаривать. Мысль о несчастной матери разрывала на части маленькое сердечко.

– Да, да, я слышала, как звала тебя эта странная женщина, – кивнула девочка. – Это твоя мама?

– Да, это моя мама. – Гюльжан посмотрела попутчице в жгучие глаза. – Только почему она странная?

Зейнаб дернула худеньким плечиком.

– Разве тебе неизвестно, куда нас везут? – поинтересовалась она. – Моя мама все рассказала мне, и я не вижу повода грустить. Ты ведь, как и я, княжеского рода? Люди падишаха любят, когда к ним попадают знатные девушки.

– Княжеского, – подтвердила Гюльжан. – Но о каком падишахе ты говоришь?

Зейнаб выпрямилась, ее глаза загорелись необычным блеском, будто она гордилась, что владеет тайной, о которой не ведает ее будущая соперница.

– Нас везут далеко, за море, – ответила она. – Там, в огромном дворце, отделанном золотом, живет богатейший в мире человек – падишах. Сотни девушек со всех концов света свозят к нему, чтобы он сделал их своими наложницами.

– Наложницами? – переспросила Гюльжан. – Что значит – наложницами?

– Э, да ты вообще ничего не знаешь, – усмехнулась Зейнаб. – Наложница – это как жена, иногда даже лучше. За любовь, которую ты будешь дарить падишаху, он одарит тебя всем, чем пожелаешь: самой дорогой одеждой, золотом и драгоценными камнями. Сотни слуг станут прислуживать тебе, как великой госпоже. Ты ни в чем не будешь знать отказа. Если такое случится, то есть падишах остановит на тебе свой взор, плененный твоей красотой, клянусь Аллахом, ты посмеешься, вспомнив день, когда плакала, уезжая из родной деревни. Даже в княжеской семье дети не купаются в золоте.

– Но мне ничего не надо. – Гюльжан сморщилась, представляя падишаха таким же огромным и грубым, как чужеземцы, так бесцеремонно обошедшиеся с ними. – Я хочу назад, к матери!

Зейнаб вздохнула, словно удивляясь глупости подруги:

– Туда тебе дорога заказана. Даже если господин тебя не выберет, станешь жить в гареме. Правда, мне мама рассказывала, некоторые предпочитают уйти, но таких немного.

– Я бы ушла, – промолвила Гюльжан. – Я бы обязательно ушла.

– Это ты сейчас так говоришь, – возразила новая подруга. – Посмотрим, как запоешь, когда несколько лет проживешь на всем готовом, горя не зная. Только дуручки решаются покинуть гарем, во всяком случае, мне мама так говорила.

Гюльжан отвернулась от Зейнаб и стала смотреть по сторонам. Повозка с усталыми конями, хвостами отгонявшими слепней, плелась по горной дороге, по обеим сторонам которой высились невысокие горы, покрытые серыми от жары колючками. Колеса повозки нещадно скрипели, особенно когда она поднималась по склону, а потом бежали, подгоняя измученных коней, в очередную долину, где усталые вороны могли утолить жажду из какой-нибудь большой лужи с мутной водой, оставшейся после дождя. Зейнаб обращалась к попутчице с вопросами, но Гюльжан хранила молчание, думая о несчастной матери и о своей незавидной судьбе. Лишь когда из-за вершин показалось что-то синее, блестящее, искрящееся, почти сливавшееся с небом, девочка невольно вскрикнула:

– Что это?

– Море, – равнодушно отозвалась Зейнаб. – Никогда не видела, да? А вот мне пришлось. У нас есть дом на побережье.

Гюльжан вытягивала длинную тонкую шею, стараясь лучше разглядеть чудо, о котором она столько слышала.

– С повозки-то не упади, – хихикнула подруга. – Еще насмотришься, даже надоест. Дворец падишаха стоит у самого моря.

Услышав о падишахе, девочка дернулась, и все яркие краски померкли. Зачем ей море, если оно принесет одни огорчения? Аллах с ним, с этим морем. Она закуталась в платок и снова погрузилась в молчание. Между тем молчаливые спутники доставили девочек на побережье, где их поджидала фелюга – узкое парусное суденышко, способное вывезти человек десять, не больше. Чужеземцы, лопоча что-то на лающем языке, помогли будущим невольницам слезть с повозки и проводили на фелюгу, хозяин которой, смуглый турок в красной феске, с кольцеобразной серьгой в правом ухе, взглянув на товар, чмокнул, будто в восхищении, и пробормотал в ответ несколько слов. Девочек почти толкнули в помещение под полом, на расстеленные грязные одеяла, сунули кувшин с водой и пару лепешек и плотно закрыли дверь. Пленницы почувствовали, как фелюга сорвалась с места – ветер наполнил рваные грязные паруса – и, покачиваясь на волнах, взяла курс на далекую незнакомую землю.

Глава 2

К удивлению будущих невольниц, они прибыли к турецким берегам довольно быстро и без приключений. Море не штормило, лишь легкая рябь будоражила синюю гладь. Когда утлое суденышко причалило, хмурые стражники распахнули дверь, давая возможность пленницам выйти на волю, потом снова посадили их в повозку и повезли во дворец, блестящие крыши которого уже виднелись чуть поодаль от дороги. У резных позолоченных ворот их встретили другие чужеземцы, одетые в такие же широкие шаровары, с забавными шапочками на голове. Некоторые из них, с бесстрастными лицами, были черны как сажа, у них были выпуклые черные глаза и толстые губы. Улыбаясь искусственными улыбками, показывая белые большие зубы, они привели их во двор, в середине которого красовалось озеро с кристальной водой. Лебеди, горделиво изогнув длинные шеи, спокойно плавали по чистой поверхности, иногда отвлекаясь на золотых рыбок, старавшихся отобрать у них крошки. Огромные кувшинки с желтой серединкой поражали размерами и красотой. Гюльжан прежде не доводилось видеть ничего подобного: ни дворцовых хором, ни лебедей, ни золотых рыбок... Она с немым восторгом осматривала узкие галерейки, переплетававшиеся, как юркие змейки. Пожилая женищина, сухопарая, с жесткими усами под носом, с узким лицом, обтянутым коричневой морицистой кожей, одетая по-восточному, в шаровары и цветастый халат, сразу взяла их под свое крыло. Девочки узнали, что ее звали Лейла и она жила в гареме уже много лет – так много, что и сама не помнила, когда здесь появилась. Позже им рассказали: когда-то давно Лейлу привезли в подарок падишаху как будущую наложницу, такую же юную и гибкую, как и они, однако девочка, обещавшая стать красавицей, не понравилась хозяину. Он ни разу не выбрал ее для своей ночи, с каждым годом у нее становилось все меньше шансов стать его наложницей, и Лейла заговорила с султаншей номер один (так называли жену, первой родившую наследника) о том, чтобы покинуть гарем и либо вернуться на родину, либо выйти замуж за какого-нибудь чиновника. В общем, султаниша не возражала, однако, подумав, решила оставить Лейлу при гареме. Все, кто знал молодую женищину, с восторгом отзывались если не о ее красоте, которая блекла с каждым годом, то о ее уме, неординарном, гибком, не свойственном женищинам. Ей можно было доверить самые сложные дипломатические поручения, и Лейла справлялась с ними блестяще. Султаниша заставила ее шпионить, плести интриги, подслушивать, подглядывать (ей хотелось во что бы то ни стало сохранить свое положение), а потом поставила главной над наложницами. Отвечая за каждую из гаремных обольстительниц, за их одежды, украшения, за их красоту, она почти не спала и не ела. Нужно было белить и румянить своих дам, выщипывать волосы, готовя к ночи с господином, причесывать, угождать их капризам, нашептывать драгоценные рецепты любовной науки, измышлять способы, как вернее снискать или удержать благорасположение повелителя. И тем не менее старуха гордилась новой должностью. Она была приближенной султаниши, порой давала ей советы, и каждая из наложниц – от почти ребенка до зрелой женищины – находилась в ее власти. Однако это удавалось ей хорошо, и Лейла пережила и султанишу, и султана и теперь служила жене его сына, который восседал на троне. Бедняжка Гюльжан сразу почувствовала, что эта пожилая дама занимает во дворце довольно высокое положение. С ней были вежливы все без исключения, даже главный евнух Осман (кто такие евнухи и почему их приобретали за большие деньги, девочка узнала позже), толстый мулат с сальной улыбкой на лоснящемся лице, облаченный в подобие пунцового атласного жилета без рукавов и длинные раздувавшиеся шаровары с поясом из драгоценного металла. Простой белый тюрбан тесно облегал круглую курчавую голову, толстые губы блестели, изгибаясь, как жирные дождевые черви.

– Твои новые птички? – спросил он, чмокнув. Гюльжан не поняла вопроса, но догадалась по интонации и мимике его обезьяньего лица, что речь идет о них. Капля слюны вылетела изо

рта евнуха и попала на платье черкешенки. Ее затошнило, и девочка постаралась подавить рвотные спазмы. От сального толстого мужчины ее мучило, темнело в глазах.

– Мои алмазы, которые нуждаются в огранке, – ответил ему по-татарски, старуха-смотрительница окинула каждую новенькую долгим взглядом, немного дольше задержав его на Гюльжан. – Девочки, пойдёмте, я покажу вам вашу комнату. Вам принесут новую одежду, а потом накормят. Вы проголодались, так ведь?

Зейнаб кивнула, а Гюльжан, словно овца на заклание, покорно поплелась за Лейлой. Их поместили в маленькую комнатку, увешанную коврами, с рисунками, изображавшими любовные сцены, с узкими кроватями, заправленными покрывалами. Свет проникал через резные окна с разноцветными стеклами, прикрытые тяжёлыми золотистыми портьерами. Кроме них, здесь были ещё пять девочек – две мулатки с кофейной кожей приятного оттенка, черная, как эбеновое дерево, эфиопка с толстыми губами, такими же, как у верховного евнуха, и две белокурые, одна англичанка с голубыми глазами и густыми волнистыми волосами, другая – француженка, захваченная в плен вместе с кораблем, принадлежавшим ее отцу – купцу, довольно миловидная, развитая не по годам, резвая и смышленная. Позже маленькая девочка с Кавказа узнала, что рыжий цвет волос считается дьявольским. Во всем гареме во все века не было ни одной рыжеволосой. Француженка что-то спросила у Гюльжан на певучем языке, своеобразно произнося звук «р», но черкешенка ее не поняла. Новые подружки предложили княжнам одежду – шаровары, закрытые ботинки, туго охватывающие лодыжку, цветные шелковые халаты до пола, похожие на мужские, шелковые сорочки, платки, по краям украшенные бахромой, и круглые бархатные малиновые шапочки. Гюльжан присела на кровать, безучастно глядя перед собой, а Зейнаб, с восторгом перебирая вещи, выбрала полосатый халат, белую рубашку почти до пола, платок с золотистой бахромой и глянцево-черные ботинки.

– Посмотри, какая прелесть! – быстро скинув запыленную одежду, она стала натягивать шаровары, но грозный окрик Лейлы заставил ее вздрогнуть и воровато оглянуться.

– В хамам, – скомандовала смотрительница, и девочки покорно поплелись за ней. Лейла остановилась возле одной из широких дверей, достала из кармана связку ключей, и они все зазвенели в воздухе, пахнувшим благовониями. Сунув один из них, самый длинный, в замочную скважину, она отворила дверь, и девочки, неожиданно для себя, оказались в просторной комнате, посреди которой красовался квадратный бассейн с небесно-голубой водой. Зейнаб захлопала в ладоши, а бесстрастная Лейла кинула им два белейших махровых полотенца, таких больших, что худеньким черкешенкам можно было дважды обмотать их вокруг себя, и толкнула в комнатку поменьше, жарко натопленную. Она объяснила, что это парилка, где нужно посидеть несколько минут, чтобы с потом сошла грязь, а потом охладиться в бассейне. Старуха плеснула на раскаленные камни воду, и они зашипели, как ядовитые змеи, обдав девочек паром. Обе залезли на лежажки, а Лейла зорко следила за ними, потом натерла будущим невольницам головы благоухающей пенящейся жидкостью, пахнувшей диковинным цветком, и, слегка подтолкнув, отправила в бассейн. Холодная, кристально чистая родниковая вода освежила Гюльжан, прояснила тяжёлую голову, сняла усталость. Она провела рукой по смоляным волосам, крупными завитками спадавшим на плечи. После мытья они стали еще пышнее, как черное покрывало ночи, окутав ее стройную фигурку. Старуха, резко повернув к себе будущую невольницу, провела по волосам костистой рукой с бугристыми синими венами.

– Хорошая грива у тебя, детка, – пробормотала она. – Такие падишаху нравятся.

Она достала гребень из можжевельника и принялась расчесывать густые пряди, потом натерла гладкую кожу Гюльжан благовониями. Зейнаб, переминаясь с ноги на ногу, нетерпеливо ожидала своей очереди.

– Завтра учиться пойдете, – сказала старуха. – Науки всякие будете проходить, язык наш выучите, танцы. Но самое главное – любовная наука. Будете хорошо ублажать мужчину – он вас отблагодарит.

Зейнаб улыбнулась, показав острые белые зубы. Гюльжан сжалась и поникла. Она вспомнила, как один раз, проснувшись среди ночи и почувствовав необъяснимый страх, побежала в комнату родителей, распахнула дверь и остановилась, пораженная пыхтением и стонами отца. Девочка осторожно закрыла дверь, оставив щель, и, зная, что поступает плохо, припала к ней. Пламя свечи едва освещало два барахтавшихся тела, мужчина – ее отец – делал ритмичные движения, почти вдавив мать в лежанку, а потом, устало откинувшись на подушки, произнес:

– Теперь у нас будет сын, я постарался на славу.

«Значит, так появляются дети. – Маленький мозг черкешенки бешено заработал. – Ну почему так? Мама говорила, что их дает Аллах».

Утром она хотела спросить об этом у Хурмат, но стыд помешал это сделать. Впервые увиденное совокупление показалось ей бесстыдным, мерзким, недостойным, и девочка постаралась забыть о нем, как о ночном кошмаре. И вот сейчас Лейла намекала, что – рано или поздно – они окажутся в постели падишаха, и он, распластав их на кровати, изомнет худенькое тело, чтобы произвести на свет наследника. А они должны будут сделать так, чтобы он получил от этого удовольствие.

– Когда нас отведут к падишаху? – шепнула она Зейнаб, и та хихикнула:

– Ты уже торопишься, подруга? Скоро все узнаем. Впрочем, тебе долго придется ждать своего часа. Ты совсем мала. Я старше на два года.

Прислушиваясь к их бормотанию, Лейла скомкала мокрые полотенца и бросила их на пол.

– Вы обе должны стать девушками, тогда я представлю вас моему луноликому господину Исмаил-бею, – пояснила она, пожавая синими губами. – Но не прежде, чем вас оценит его мать. Она должна первой взглянуть на девушек, с одной из которых ее сын проведет ночь.

– Это буду я, – шепнула Зейнаб. – Я понравлюсь матери падишаха, вот увидишь!

Гюльжан посмотрела на подругу и пожала узкими плечами.

– Наверное, так и будет. А у меня нет желания кому-либо нравиться. Я хочу домой, в родную деревню.

– Ну и дура! – охнула Зейнаб, принимая от Лейлы белую шелковую сорочку. – Ох, какая же ты дура!

После хамама старуха проводила девочек в комнату. Эбеновая эфиопка и две мулатки были переведены в другое помещение. Англичанка и французженка нежались в постелях. Первая, Норма, сегодня должна была встретиться с падишахом. Девушка, раскинувшись на кровати, мечтательно смотрела в потолок, украшенный лепниной, и ждала Лейлу с верховным евнухом. Вскоре они явились и с бесстрастными лицами увели заметно нервничавшую англичанку. Позже Гюльжан узнала, что старуха помогала невольницам приводить в порядок лицо и тело. Лейла была специалистом по этой части, но с недавних пор – все же старость брала свое – ей помогали две невольницы. Гюльжан, удобно устроившись на мягкой, пахнувшей эфирными маслами постели, задремала, свернувшись калачиком, как котенок. Сквозь дремоту она слышала, как Зейнаб пыталась общаться с французженкой Анеттой, но их языки были слишком непохожими, и девушки не понимали друг друга. Вскоре ее подруга тоже заснула, и маленьких черкешенок разбудил только приход Лейлы и Нормы. Старуха зажгла светильники на стенах, и Гюльжан ахнула, увидев англичанку. Ее стройное тело с пышными грудями было расписано хной, голубые глаза с подкрашенными сурьмой веками казались огромными. Насурьмленные подковообразные брови полумесяцами выделялись на мраморной коже.

– Меня не выбрали! – крикнула англичанка каким-то лающим голосом, сорвавшись на высокой ноте, и, кинувшись на кровать, громко зарыдала. Гюльжан не понимала слов, сказанных бедняжкой, и все же их смысл был понятен. Гордую дочь Альбиона задело, что мать падишаха забракowała ее при первом же осмотре. У англичанки оставалось две попытки понравиться валиде-султан. Это и сказала ей Лейла, сохранявшая невозмутимость. Норма что-то ответила на своем невучем языке. Старуха села рядом с ней, утерла слезы рукавом длинной шелковой рубашки и, повернувшись к черкешенкам, сказала по-татарски:

– Завтра вы начинаете обучение. Учитесь хорошо, постигайте все науки. Наш луноликий не любит необразованных. Его мать тоже не любит необразованных. Сегодня она разговаривала с Нормой и пришла к выводу, что такая девушка не понравится ее сыну. С глупыми скучно. Светлоокий не помешан на любовных утехах, он любит разговаривать с женищинами. Вы должны уметь поддержать разговор.

Зейнаб так сильно закивала, что, казалось, голова сейчас отделится от тонкой шеи.

– Мы будем стараться, – пообещала она. Старуха улыбнулась, отчего морщины на ее худом смуглом лице стали еще глубже.

– Ночи у нас жаркие, – проговорила она. – Если будет невтерпез, можете подняться на крышу, подышать воздухом.

С этими словами она покинула комнату невольниц. Анетта усадила Норму к себе на кровать и попыталась расспросить о том, что произошло. Вероятно, она немного знала английский, потому что девушки долго шептались, о чем-то споря, а потом, накинув халаты, направились к деревянной лестнице, ведущей наверх. Гюльжан догадалась, что она ведет на крышу, и, накинув на голову платок, предложила Зейнаб:

– Пойдем подышим воздухом.

Черкешенка покачала головой:

– Что-то не хочется. Лучше отдохну.

– Как знаешь.

Гюльжан поднялась наверх и оказалась на плоской крыше. Лейла сказала правду. Пара сотен невольниц облюбовали плоскую поверхность и нежались, подставляя тела серебряному свету луны. Ночная темнота позволяла безбоязненно полностью открыть лица, подставив их легкому бризу, и женищины пользовались этим. С высоты черкешенка впервые увидела, как огромен дворец падишаха. Он напоминал большой восточный город с множеством дворов, галерей, входов и выходов. Лунный свет пронизывал и легкую дымку, тянувшуюся от моря и голубоватой вуалью окутывавшую все вокруг, придавая дымчатую призрачность даже тяжеловесному минарету ближайшей мечети. Он казался таким вытянутым, колеблющимся и легким, что от одного взгляда на него кружилась голова. Пахло мятой и пряностями. Время от времени то тут, то там появлялся чернокожий женоподобный евнух-страж. Он делал обход, следуя по узким галерейкам, окаймлявшим крыши, и по закоулкам утопавших в зелени дворов. На высветленном лунной небе выделялись эти медленно бредущие сумрачные фигуры, рыскавшие по потайным уголкам, где мог бы спрятаться дерзкий возлюбленный, но совершенно равнодушные к переговорам и перешищиванию между соседствующими крышами. Где-то за высоким забором серебрилось море, не синеголубое, а агатовое, спокойное, с гладкой зеркальной поверхностью. А где-то за морем, этим гигантским зеркалом, которое сейчас не вызывало никаких эмоций, спрятались родные горы, а между ними – родная деревня... Один Аллах ведает, суждено ли ей когда-нибудь увидеть родных? Девушка обхватила колени руками и задумалась. Может быть, попробовать убежать из гарема? Но как убежишь, если тебя денно и нощно охраняют противные евнухи и, как тень, маячит Лейла? Или... все-таки попробовать? Да, попробовать, когда выпадет удобный момент. Он должен выпасть, во что бы то ни стало! От этой мысли немного полегчало, и когда окрик смотрительницы прервал ее думы, она медленно поднялась и отправилась в комнату. Норма и Аннет

давно вернулись и спали, разметав руки. Зейнаб тоже сморил сон, и девушка прихрапывала. Лейла подошла к ней, склонилась и покачала головой.

– Падишаху не нравятся храпящие женичины, – бросила она. – Боюсь, ей не видать его постели. А ты тоже храпишь?

Гюльжан пожала плечами:

– Не знаю. Во всяком случае, мне никогда никто об этом не говорил.

Смотрительница кивнула:

– Ладно. В таком случае не пугайся, если вдруг проснешься среди ночи, а рядом будет сидеть один из наших евнухов. Об этом женском недостатке мы обязаны докладывать валиде-султан. А сейчас раздевайся и ложись, чтобы в школе не выглядеть сонной мухой. Я вас предупредила: все науки вы должны постигать с усердием.

Девушка не стала спорить. Она юркнула под благоухавшую простыню и вскоре заснула.

Глава 3

Два года спустя

Красавица черкешенка сидела на плоской крыше, вдыхая аромат моря и пряностей, и думала о том, что два года пролетели как один миг, и за этот миг ей так и не представился удобный случай сбежать отсюда. Однако, пока не было доказательств ее полового созревания, ей не о чем было беспокоиться. Поднявшись сегодня утром, она обнаружила красное пятно на белоснежной простыне, позвала Зейнаб, которая давно прошла этот период, но так и не удосужилась быть представленной падишаху: валиде-султан, поговорив с черкешенкой, нашла, что она глупа, неразвита и ей не помогли даже занятия в школе. Правда, эти занятия, где учителями были опытные пожилые рабыни – калфы, – особого образования не давали. Будущие наложницы учили язык, основы Корана (от них требовали читать наизусть Суры), литературу, поэзию, каллиграфию. Каждая должна была уметь написать любовное послание в стихах, да такое, чтобы в душе падишаха загорелась искра. И никто не задавался вопросом: можно ли чем-нибудь удивить мужчину, видевшего на своем веку много прекрасных и умных женщин самых разных национальностей? Кроме того, девушки овладевали искусством танца и игры на музыкальных инструментах. Калфы предупреждали, что порой падишах хотел, чтобы невольница всю ночь танцевала, играла и пела. В перерывах между танцами или музыкальными произведениями господин мог попросить набить трубку табаком или принести кофе и сладости, и его избранница должна была сделать это умело и изысканно. А чтобы танец не казался безобразным, наложницы поддерживали физическую форму. Гюльжан с тоской вспоминала обильные вкусные обеды и ужины в родном доме. Да, в гареме ее кормили гораздо чаще – семь раз в день, но кормили фруктами, рисом и рыбой – совсем маленькими порциями. Фигура становилась стройной, но чувство голода не заглушалось. Потом, позже, к нему привыкали и уже не рыскали по гарему в надежде урвать у кого-нибудь кусочек шербета. Когда промчался год, им стали преподавать искусство ухода за собой. Почти все ученицы, кроме Гюльжан, уже стали девушками и готовились выдержать экзамен, устраиваемый валиде-султан. Они надеялись оказаться в постели падишаха, поэтому с особым рвением готовили маски и специальные ароматические составы, учились наносить косметику, правильно одеваться и подбирать украшения. Под руководством наставниц они вновь и вновь репетировали танец «Ракс шархи», во время которого наложница не только демонстрировала искусство владеть животом, но и элегантно скидывала с себя одежды. Калфы утверждали: именно этот танец возбуждал любовное настроение и желание султана. Кроме того, в программу входила интимная гимнастика. Все упражнения были противны Гюльжан, и ее заставляли силой. Когда одна из калф, недовольная воспитанницей, пожаловалась Лейле, старуха отвела черкешенку в сторону и, брызгая слюной из беззубого рта, долго объясняла, что от самой Гюльжан почти ничего не зависит. Если она приглянется матери падишаха, а потом попадет к нему в покои, ей придется делать все, чему терпеливо учили, иначе девушка рискует навлечь на себя гнев. «В Серале не терпят непокорных, – добавила она, сверкнув черными глазами. – От них избавляются. О, если бы их просто изгоняли – для них было бы слишком хорошо. Но нет. Их бросают в мешок, как ненужную вещь, привязывают к камню и скидывают со скалы в море. Еще ни одной не удалось выбраться из морской пучины. Сказки про русалок, придуманные славянками, – чушь. Хочешь проверить на себе? Что ж, давай, моя девочка. Некоторые, особенно нетерпеливые, не дожидаются этого дня, они сами сводят счеты с жизнью, бросаясь с крыши. Их обезображенные тела кидают на съедение львам и крокодилам».

Вспомнив об этих словах, Гюльжан поморщилась и плотнее завернулась в накидку. Тогда, после занятий в школе, она поднялась сюда с намерением покончить с собой, но в

последний момент ее покинуло мужество. Нет, все-таки, чтобы умереть и таким образом не достаться падишаху, нужно иметь большую силу воли. А этого у нее, оказывается, не было. Слабая, никчемная тварь – вот она кто! Широко раскрытыми глазами девушка всматривалась в темноту южной ночи, узнавая знакомые постройки. В свободное время она любила гулять по роскошному саду, где можно было полюбоваться экзотическими цветами и деревьями, насладиться их ароматом и даже поведать им свои тайны. Сопровождавшие ее евнухи не понимали, о чем шепчет мальчика с Кавказа старому оливковому дереву с морицинистым стволом. А мальчика просила дерево, чтобы оно помогло ей встретиться с султаном здесь, в саду, где, как говорили, он порой горделиво прохаживался, бросая корм многочисленным котяткам и щенкам, бегавшим по тропинкам. Повелитель любил животных. Где-то, по рассказам евнухов, стояли вольеры с белыми слонами и тиграми-альбиносами. Падишах часто подходил к клеткам, беседовал с животными и, вероятно, гордился, что в его садах есть все, что и должно быть у богатого султана. Гордился луноликий и своими конюшнями. Лошади, вычищенные, ухоженные, размещались в роскошных помещениях с мраморными сводами. Между стойлами били фонтаны, и чистая питьевая вода текла по желобам, выложенным голубой и зеленой мозаикой. Отдыхая душой на природе, в эвкалиптовой роще, среди животных, слушающая пение экзотических птиц (разноцветные попугаи садились ему на плечи, и повелитель подставлял им губы для поцелуев), он становился добрым и порой выполнял желания как близких, так и подчиненных. Гюльжан надеялась припасть к его ногам, попросить, чтобы он отпустил ее... Кто знает, может быть, ей повезет, и он разрешит ей уехать на родину? Однако ей повезло только в одном: девушка действительно увидела падишаха. В расшитом золотом халате, золотых остроносых туфлях, в тюрбане, он кормил с рук тигрицу, и та ластилась к луноликому, будто тоже ожидая от него особой милости. Хозяину еще не было сорока, но он показался Гюльжан глубоким старцем, и она внутренне содрогнулась, представив себя в его постели. Черкешенка решительно шагнула к луноликому, но один из вездесущих евнухов, Исмаил, преградил ей дорогу:

– Разве ты не видишь, там гуляет наш падишах? Никто не смеет нарушить его покой.

Ее стерегли как зеницу ока, словно зная, что бедняжка все же предназначена для ложа луноликого. Что ж, все равно она тут долго не задержится. Если брачной ночи суждено быть, пусть потом падишах сам убьет ее. Убьет, как раба-строителя, осмелившегося взглянуть на одну из невольниц. Печальные думы затуманили голову, прогнали сон, и бедняжка просидела бы на крыше до утра, если бы вездесущая Лейла не прогнала ее в комнату.

– Завтра тебя представят валиде-султан, – напомнила она. – Я не желаю, чтобы ты выглядела, как сонная муха. Иди спать.

Гюльжан послушно опустилась на постель, но всю ночь не могла заснуть. Смотрительница разбудила ее рано. Нужно было привести себя в порядок перед экзаменом – разговором с матерью падишаха. Старуха погнала ее в хамам, помогла вымыть и расчесать волосы, нарядила в красивые шаровары и рубаху, и вскоре они предстали перед высокой женициной, чинно восседавшей в кресле с мягкой спинкой, обитой парчой. Почти все морицинистое лицо валиде-султан скрывал черный платок с бахромой, но черные, под стать платку, глаза прожигали невольницу насквозь.

– Как твое имя? – царственно спросила она, когда Гюльжан упала перед ней на колени.

– Гюльжан, госпожа, – ответила девушка, смело взглянув на женицину. Мать падишаха чем-то напоминала ее бабушку, которая только и делала, что раздавала внукам оплеухи.

– Красивое имя. – Пожилая дама наклонила голову. – Подойди ближе, не бойся. Откуда ты родом?

– С Кавказа. – При воспоминании о доме на глаза навернулись слезы. Не обратив на это никакого внимания, старуха принялась расспрашивать о родителях, родной деревне, кавказской природе. Ей польстило, что Гюльжан – княжеская дочь. Задав еще несколько вопросов о

том, как ей живется во дворце, валиде-султан попросила заварить зеленый чай. Помня правила этикета, черкешенка справилась с этим безукоризненно, как и с чтением наизусть Сур из Корана. Она по-прежнему не видела лица пожилой женщины, но чувствовала, что та улыбается.

– Эта девочка понравилась мне, – сообщила она Лейле. – Сегодня вечером она должна предстать перед моим сыном. Если и он выберет ее, надеюсь, она родит ему здорового наследника. Мое мнение остается прежним: на престол сядет мой внук мусульманских кровей. Только такой человек укрепит нашу империю. А все эти полукровки... – она махнула рукой, довольно ухоженной для своего возраста, с ногтями, крашенными хной.

Лейла заулыбалась во весь беззубый рот.

– Слушаюсь, госпожа. Пойду готовить девочку к ночи. Она взяла Гюльжан за локоть и потащила за собой.

Бедняжка, почти ничего не съев за завтраком, с жадностью накинулась на фрукты и рис.

– Я дам тебе пару часов отдыха, – распорядилась смотрительница. – Потом мы пойдем в хамам и будем готовиться к ночи. Поверь моему предчувствию, сегодня падишах выберет тебя.

Гюльжан отвернулась, чтобы старуха не видела ее слез. Пара часов! У нее еще есть пара часов... Нет, она не станет отдыхать, она отправится в сад, где обязательно встретит падишаха. И пусть жирные противные евнухи опять преградят ей путь. Она прорвется, она будет кричать, и луноликий ее обязательно услышит. Он должен, должен ее отпустить.

Дождавшись ухода старухи, Гюльжан выскользнула в сад и, пройдя незамеченной по эвкалиптовой аллее, дыша терпким ароматом, оказалась у озера, где резвились розовые фламинго и белоснежные лебеди. Иногда повелитель останавливался здесь, сидел на низенькой скамеечке и бросал птицам крошки, предусмотрительно захваченные с собой. «О Аллах, пусть он придет и сегодня!» – Черкешенка в отчаянии воздела руки к небу. За ее спиной послышался шорох, и несчастная обернулась в надежде встретить господина. Однако это был не господин. Один из рабов-строителей, совсем молодой парень лет восемнадцати, в грязных белых штанах, с загорелой мускулистой голой грудью, с восторгом смотрел на девушку. Гюльжан подумала, что она впервые видит такого красавца. Тонкие черты лица, огромные голубые глаза, такие голубые, как море, которое разделяло ее с родиной. Из-под белого платка, повязанного на голове, выбивались белые, как лен, кудри. Он смотрел доброжелательно, пристально, словно стараясь запечатлеть в памяти прекрасную картину, которую могут отнять в любой момент, но девушка, вдруг почувствовав стыд, покраснела и хотела скрыться в чаще.

– Куда ты, красавица? – Он говорил по-турецки с легким акцентом. – Постой, побудь со мной еще немного. Вскоре сюда придет евнух, я уже слышал его шаги. И неизвестно, когда мне еще раз повезет увидеть тебя так близко. Ты и не знаешь, что я делаю все, чтобы полюбоваться тобой. Когда ты поднимаешься на крышу, я тоже поднимаюсь на зубчатую стену крепости, которую мы строим.

Гюльжан молчала, опустив длинные ресницы.

– Как тебя зовут, моя прекрасная пери? – спросил невольник.

– Гюльжан, – тихо ответила она.

– Гюльжан, – повторил раб с наслаждением, – какое красивое имя! Как оно подходит тебе, красавица. Меня же зовут Малех, мне рассказывали, что меня взяли в плен ребенком... Поэтому я не знаю своего настоящего имени и своей родины.

– Что с того, что я знаю о своей родине! – вырвалось у девушки надрывно. – Все равно мне туда не попасть!

– А ты хотела бы туда вернуться? – Его голос звучал вкрадчиво, убаюкивающе.

– Ты еще спрашиваешь! – Черкешенка воздела руки к небу. – Если бы Аллах прислал за мной огненную колесницу, если бы предложил вытерпеть нечеловеческие муки, я пошла бы на все, чтобы сбежать отсюда.

– Я помогу тебе, моя прекрасная пери, – ответил раб. – Моя любовь разорвет твои оковы. Мне неважно, что будет со мной. Главное – чтобы была счастлива ты. – Он оглянулся и торопливо заговорил: – Слышу тяжелые шаги вашего жирного евнуха. Мне нужно идти. Завтра жду тебя на этом же месте. Здесь, в эвкалиптовой чаще, есть шалаи, созданный самой природой. Там мы укроемся от любопытных взглядов. Придешь, моя красавица?

– Да, – твердо сказала Гюльжан. – Жди меня, Малех. Я обязательно буду.

Он скрылся так же незаметно, как и появился, и девушка вышла на тропинку. Толстый евнух-мулат, задыхаясь, звал ее. Лейла приготовила для бедняжки хамам и одежды.

– Самые красивые одежды, – добавил евнух, облизывая толстые губы, но Гюльжан подумала, что с большим удовольствием надела бы цепи. Начиналось приготовление к ночи с ненавистным ей человеком.

Глава 4

– Где ты гуляла? – набросилась на нее старуха, брызгая слюной. – Я приказывала тебе отдохнуть, чтобы не выглядеть усталой.

– Я подумала: мне лучше подышать свежим воздухом, который разрумянит лицо, чем спать в душной комнате, – отозвалась Гюльжан. Смотрительница прожгла ее взглядом черных глаз, словно пытаясь проникнуть в душу. Но черкешенка смотрела спокойно и безмятежно, и Лейла кивнула на кровать:

– Раздевайся и ложись.

Гюльжан знала, какая процедура проводится перед походом в баню. И действительно, с помощью мази, сделанной из яиц, меда и лимонного сока, старуха удалила на ее теле лишние волосы, а потом повела в хамам, специально приготовленный для ночного ритуала. Когда тело черкешенки достаточно распарилось, Лейла приказала ей поплавать в бассейне. Сегодня вода, настоянная на лепестках гибискуса и фиалок, благоухала. Она не только смягчала кожу, но и наполняла ее тонким ароматом. Обычно любившая купаться, Гюльжан считала минуты, когда смотрительница позовет ее для дальнейшей процедуры. Ей хотелось, чтобы все поскорее закончилось и из общей спальни, где проходили смотрины, она не добралась по Золотому пути (именно так называли эту дорогу) до покоев падишаха. Неутомимая Лейла с помощницами легкими умелыми движениями нанесли на волосы и кожу девушки маску из глины, а потом, выждав десять минут и еще раз помыв голову и те части, которых коснулась глина, жесткой шелковой варежкой стали массировать лицо и тело, удаляя ороговевшую кожу. Повелитель любил, чтобы кожа невольницы напоминала по нежности лепесток розы, была мягкой, как у новорожденного ребенка. Чтобы высохшая кожа не сморщилась, ее обильно смочили маслом – смесью оливкового и кунжутного с добавлением эфирных – ромашки и розы. Осмотрев свою работу, проведя по телу черкешенки узловатыми пальцами, Лейла осталась довольна.

– Теперь вытирайся – и за мной, – скомандовала она. Гюльжан знала, что за этим последует. В специальной комнате было все приготовлено для наложения косметики. Усадив ее на мягкий стул, Лейла принялась колдовать, ловко орудуя кисточками и палочками. Черные глаза черкешенки стали еще больше с нарисованными сурьмой стрелками, брови – еще чернее и округлее.

– Теперь пожуй. – Старуха силой раскрыла рот девушки и сунула ей что-то горькое, жгучее, сразу обжегшее язык. Гюльжан закашлялась и хотела выплюнуть противную смесь, но Лейла приказала жевать.

– Это бетель – паста с перцем, известью и семенами льна, – пояснила она. – Черные брови и глаза должны оттенять цвет лица и губы. Наш луноликий предпочитает алые. Бетель усилит их красноту.

Пока Гюльжан, подавляя тошноту, жевала смесь, помощницы Лейлы колдовали над ее телом, делая на коже замысловатые рисунки из хны, чтобы выгодно подчеркнуть все соблазнительные выпуклости. Когда же все закончилось, девушке дали пожевать пастилку, чтобы изо рта шел аромат, и, одев в самую красивую одежду, повели в общую спальню. В ней уже столпились полсотни невольниц, разных как по внешности, так и по национальностям, и каждая с надеждой ожидала выхода ясноокого (у падишаха было много прозвищ). Гюльжан старалась спрятаться за свою соседку, высокую белокурую славянку, но Лейла вытолкнула ее вперед в тот момент, когда повелитель зашел в комнату. Он показался бедняжке еще старше, ниже ростом, толще. Гусиные лапки у черных угольных глаз придавали его лицу мягкость и доброжелательность. Луноликий медленно несколько раз прошелся мимо невольниц, прожигая каждую взглядом черных глаз. Остановившись возле Гюльжан, он бросил платок, который она машинально схватила.

– Тебе повезло. – Лейла возникла будто из ниоткуда. – Сегодняшняя ночь твоя.

Невольницы, оставленные без внимания, потихоньку разбрелись, как бесплотные тени. Черкешенку, стоявшую в оцепенении, подхватили мулатки, повели в маленькую комнатку, где сменили ее одежду на более легкую и почти прозрачную, и так же, взяв под руки, потащили в покои падишаха. Повелитель возлежал на широкой кровати, покуривая трубку с благовониями. Увидев Гюльжан, он улыбнулся, показав великолепные белые зубы, белизну которых не подпортил даже табак. Жестом приказав мулаткам удалиться, он величественно поднялся с ложа и подошел к трепещущей черкешенке.

– Как тебя зовут? – Его голос, на удивление, звучал ласково, и бедняжка немного расслабилась и ответила:

– Гюльжан.

– Красивое имя, – повелитель сорвал с нее платок и провел по мягким волосам. – Да что там имя! Ты сама красива, как моя любимая роза в саду.

От его прикосновения девушка снова сжалась.

– Ты боишься меня, – изрек луноликий. – Ты девственница?

Она кивнула, не смея поднять на него глаза.

– Всем когда-то приходится становиться женищинами, – философски заметил он. – Не бойся, я не причиню тебе боли.

Он взял пшалу и плеснул какой-то жидкости, пахнувшей мятой и эвкалиптом.

– Выпей. Тебе немного полегчает.

Не поднимая ресниц, отбрасывавших тень на пунцовые щеки, Гюльжан выпила ароматный чай. Падишах, обняв ее за плечи, усадил на ложе любви. Остальное черкешенка видела словно в тумане. Откуда ни возьмись вновь появились мулатки, принешие большие светильники. Они встали по обеим сторонам любовного ложа. Падишах сам, без их помощи, умело раздел Гюльжан, восхищаясь красотой ее тела, потом разделся сам и, целуя девушку, раздвинул ей ноги и сел между ними. Черкешенка лишь на мгновение почувствовала боль, потом уже ничего не чувствовала. Разумеется, все наставления калф и Лейлы были забыты. Ясноликий пыхтел над ее телом, а она лежала, не шевелясь, ничего не соображая. Когда все закончилось, ее, полумертвую, отвели уже в другие покои. Упав на кровать, девушка заснула крепким, всепоглощающим сном.

Глава 5

Утром ее разбудила Лейла. На морицинистом лице старухи отражалась радость.

– Ты понравилась нашему повелителю, – радостно сообщила она. – Я только что разговаривала с валиде-султан. Наш господин нашел тебя умной, нежной, знающей. Он желает видеть тебя и сегодняшней ночью.

Гюльжан смотрела на нее заспанными, чуть воспаленными глазами. События вчерашней ночи обрывками носились в голове. О Аллах! Она стала женичиной, падишах лишил ее невинности. То, чего она боялась больше всего, все же произошло. Для чего теперь жить? Парень с голубыми глазами никогда больше не взглянет на нее. Ее никто не полюбит по-настоящему.

Лейла смотрела на одалиску, смутно догадываясь о ее печальных думах.

– Не грусти, детка, – ободряюще произнесла она. – У тебя нет для этого повода. Лучшие погляди, что подарил тебе твой господин. – Старуха бросила на кровать цветастый халат. – Разверни. Если найдешь там подарок – значит, ты понравилась луноликому. Далеко не каждая, проводившая с ним ночь, удостоивается такой чести.

Дрожащими белыми руками Гюльжан развернула халат, и из него выпало ожерелье. Золотые бусинки перемежались с жемчугом и какими-то другими драгоценными камнями.

– Какая роскошь! – невольно воскликнула старуха. – Видимо, ты хорошо постаралась, девочка.

Гюльжан ничего не ответила. Она решила: сегодня ночью вернет падишаху его подарок. Она его не заработала. Пусть он достанется другой девушке, более достойной. Позавтракав, бедняжка побежала в сад. Ее стройное гибкое тело трепетало при одной мысли, что молодой красавец, узнав о брачной ночи, перестанет любить ее. Вот и кусты с глянцевыми листьями, где вчера прятался Малех. А сегодня...

– Гюльжан! – послышался тихий оклик, и она обернулась на зов, не веря своему счастью. Малех казался красивее, чем прежде, он не шел ни в какое сравнение с толстым падишахом, и в маленьком сердечке черкешенки вспыхнула искра любви.

– Здравствуй, моя пери, – тихо шепнул он в изящное ушко. – Как ты прекрасна! – Малех отодвинул ее от себя, чтобы полюбоваться газельими глазами. – Но что с тобой? Ты плакала?

– Я расскажу тебе правду, Малех, – прошептала она в ответ, и он увлек ее в самые заросли, где деревья и кусты создали шалаш, готовый скрыть влюбленных от посторонних. – Вчера я была с нашим господином. Он выбрал меня для ночи. И сегодня...

Малех прижал ее к себе, целуя брови-полумесяцы:

– Я так и знал, любовь моя. Ты станешь его любимой наложницей. А потом и любимой женой, если родишь наследника. Многие мечтают о такой участи. Но хочешь ли этого ты?

Она покачала головой:

– Я хочу быть с тобой и бежать отсюда. В моем сердце никогда не вспыхнет любовь к падишаху. Сегодня я верну его подарок – дорогое ожерелье – и попробую рассказать правду.

Возлюбленный замахал руками:

– Прошу тебя, не делай этого, моя пери. Он убьет тебя. Я этого не переживу. И не отдавай его подарки. Они пригодятся нам, когда я договорюсь с капитаном какого-нибудь корабля. Просто так нас отсюда никто не вывезет, но за деньги все возможно. Когда все будет готово, я сообщу тебе, и мы подумаем, как нам выбраться из дворца. Мне это сделать гораздо легче, я убью своих стражников, я сильный и ловкий, перелезу через стену и окажусь на берегу моря. Но тебе не пройти таким путем. Подумай, как ты смогла бы присоединиться ко мне. У нас еще есть время. А сейчас иди... Не хочу, чтобы евнухи обнаружили это убежище.

Он поцеловал ее в алые губы, и Гюльжан показалось, что она теряет сознание. Девушка трепетала в его сильных руках, каждая клеточка ее тела ждала любви, и если бы Малех не отправил ее назад, она отдалась бы ему прямо в шалаше, забыв обо всем.

– Иди скорее, моя любимая, – он погладил ее по голове. – До завтра. И не думай о том, что я разлюблю тебя когда-нибудь. Падишах владеет твоим телом, но не владеет сердцем. Он мне не соперник.

Когда любимый исчез в кустах, Гюльжан медленно пошла по тропинке, не замечая, как колючие ветки эвкалипта царапают лицо. Она была счастлива. Впервые девушка любила. И действительно, что ей повелитель? Пусть получает ее тело, которое не собирается дарить ему ласки. Ее ласки получит лишь один человек, и этот день скоро настанет.

Глава 6

Несмотря на внутренние протесты Гюльжан и нежелание дарить повелителю любовь и наслаждение, стареющий падишах все больше и больше увлекался невольницей. Он никому, даже своей матери, знавшей много его секретов, не признавался, что обильные ласки невольниц, купленные за обещание хорошей жизни, его давно не привлекали. Эротический танец не возбуждал, а раздражал. Одни и те же музыкальные произведения, любовные послания, похожие, как две капли воды, вызывали отвращение. И вот впервые за много лет перед ним предстала невольница, которой от него ничего не было нужно и которая держалась не чопорно, заученно, а просто и естественно. Падишах предвидел, что она вернет его подарок, и предупредил Лейлу, чтобы Гюльжан этого не делала. Это его личная просьба. Не захочет надевать – пусть лежит до лучших времен. Повелитель надеялся когда-нибудь заслужить любовь гордой черкешенки. Да, когда-нибудь, когда-нибудь. И еще когда-нибудь она родит наследника и станет любимой женой. С султаншей номер один Айше он давно уже не проводил ночи, иногда испытывая по этому поводу нечто вроде стыда. Однако Айше никогда не пеняла ему. Она занималась наследником и благотворительностью – строила медресе, вечно была в благородных заботах и редко встречалась с мужем, разве что по делу. Исмаилу было невдомек, что благодаря его жене гарем не напоминал восточную сказку, а все более походил на огромную паутину, где главным пауком – Айше – плелись интриги, пропадали невольницы, беременные одалиски умирали при родах вместе с детьми. Его жена свято оберегала свой трон. С появлением еще одного наследника она бы осталась номером один, но ее ребенок подвергся бы большой опасности и мог не стать главой огромной империи.

В тот день Исмаил особенно тщательно занимался своим туалетом и, как манная небесная, ждал ночи. Гюльжан снова предстала перед ним, худенькая, гибкая, с насурьмленными глазами, но внутренне непокорная. Она снова не подарила ему ласки, но их обильно дарил стареющий мужчина, осознав, что это самая большая и, вероятно, последняя его любовь. На этот раз девушка пыталась выдавить улыбку (воспоминание о голубоглазом Малехе и о свидании с ним заставило ее улыбнуться), а падишах, подумав, что она адресована ему, испытывал радость.

– Я полюбил тебя, Гюльжан, – признался он, прижимая ее к себе и отослав мулаток (их уши не были предназначены для таких слов). – Я на все готов для тебя. Каждую ночь я желаю проводить только с тобой. У нас обязательно родится сын. Ты станешь моей любимой женой.

– Твоя жена – Айше, – отвечала ему черкешенка. – У тебя есть уже один сын.

– Зидан – слабый мальчик, – вздыхал господин. – Даже если он доживет до того времени, когда я предстану пред Аллахом, то не сможет управлять государством. Его съедят мои визири, сделают своей послушной игрушкой. Нет, это не султан империи. – Он постарался незаметно смахнуть слезу, застрявшую в гусиных лапках возле глаза. – Ты не представляешь, как иногда хочется бросить все и уехать далеко-далеко с такой девушкой, как ты. Но я не могу оставить государство. Айше тут же начнет плести свои интриги.

Он говорил ей об этом каждую ночь, и Гюльжан стало жаль господина. Действительно, человек, облеченный такой властью, всегда одинок. Ему некому довериться, если только ей, неопытной девчонке, которая лишь и может, что выслушать. И то исключительно выслушать, потому что днем побежит к возлюбленному, ожидавшему ее у шалаша, чтобы растаять от любви в его горячих объятиях. Бедный падишах!

В такие минуты она старалась дарить ему нежность, и Исмаил был счастлив. Однажды, на заре, он вытащил из потайного шкафчика старинную деревянную шкатулку

и, открыв ее, достал кольцо. Огромный камень в свете светильников заиграл всеми цветами радуги.

– Это старинный бриллиант, – сказал падишах, поворачивая перстень то вправо, то влево. – Мне он достался от отца, а отцу – от деда. Отец не знал, как он вообще появился в нашей семье. Знал только, что камень способен исполнять желания, особенно когда меняет цвет. Со дня его смерти камень действительно изменил цвет – стал более темным, с каким-то синим оттенком.

– Значит, вы можете пожелать чего угодно! – Газельи глаза девушки загорелись. – Можете пожелать стать властелином мира, закончить войны, которые ведет империя.

Исмаил покачал головой, и курчавая прядь упала на его смуглый лоб.

– Никогда не желай смерти кому бы то ни было, – изрек он, потрогав тонкий нос с горбинкой. – Особенно если к этому причастна какая-нибудь вещь. В любой момент она может насытиться кровью врагов и захочет твоей.

– Да, вы правы! – Девушка аккуратно взяла перстень в руки, любясь каскадом радужных искр. – Какая красота!

– Нравится? – Исмаил обрадовался, как ребенок. – Он твой, Гюльжан.

Девушка дернулась, будто от укуса ядовитой кобры:

– Вы мне его дарите? Но это кольцо передавалось по наследству.

– Ты родишь мне наследника, и традиция продолжится, – уверенно сказал падишах.

– А Зидан? – Черкешенка все не решалась принять дорогой подарок. – Зидан – ваш сын...

– Ему и так достанется слишком много. – Исмаил махнул холеной, смазанной оливковым маслом рукой. – Этот подарок предназначен для самой любимой жены. Для тебя, Гюльжан.

Черкешенка собрала всю волю, чтобы не броситься к его ногам, не вернуть подарок, не признаться в любви к голубоглазому парню Малеху, с которым собиралась бежать за три моря. Она убежит тихо, и пусть Исмаил продолжает жить своей жизнью, у него будет много красивых достойных наложниц, и одна подарит ему сына, затмив Айше, а о ней, несчастной кавказской девочке, он забудет. Да-да, забудет или станет вспоминать с неприязнью. За добро она отплатила злом. О Аллах, скорее бы Малех нашел способ сбежать отсюда! Однако время шло, но голубоглазый раб так ничего и не придумал. Пути назад из гарема не было. Кончилось лето, началась не менее жаркая осень, но листья в саду падишаха оставались зелеными, ночи – жаркими, и сотни невольниц по-прежнему проводили их на крыше дворца. Несколько раз Гюльжан удалось перехитрить и Лейлу, и вездесущих евнухов, и под покровом ночи она бегала в эвкалиптовую рощу, где, прижимаясь к горячему телу, шептала и слушала слова любви. Однажды утром после такого свидания к ней явилась служанка – молодая турчанка – и объявила, что Айше приглашает ее в свои покои. Гюльжан, наспех одевшись в рубашку и шаровары, последовала за девушкой. Комнаты Айше нисколько не напоминали ее собственные. Посреди гостиной стоял огромный стол из красного дерева, стулья с высокими ножками и спинками были обтянуты золотистой парчой. Высокие окна прикрывали золотистые портьеры. Госпожа восседала в кресле, ее круглое лицо не закрывал платок, и Гюльжан впервые заметила, насколько красива первая султаниа, красива настоящей восточной красотой. Черные глаза с поволокой, не нуждавшиеся в сурьме, брови полумесяцем, роскошные черные волнистые волосы, которым было тесно под зеленым платком, вышитым бисером, и они, выбиваясь прядями, падали на плечи и спину. Нежная смуглая кожа без морицин навевала мысли о лепестках мальвы. В комнате пахло гвоздикой, лимоном и еще чем-то приятным.

– Знаешь, зачем я пригласила тебя, Гюльжан? – Айше не предлагала сесть, и разговор не предвещал ничего хорошего. – Мой муж забыл меня, забыл самых красивых невольниц... Он все ночи проводит только с тобой.

– Но я не прошу его об этом, – парировала девушка. – Наоборот, я всячески напоминала господину и о других его обязанностях, но на то он и господин, чтобы единолично принимать решения.

Айше взяла маленькую фарфоровую чашечку с чаем и сделала глоток.

– Допустим, – кивнула она, и бахрома на платке заколыхалась. – Но не в этом дело. А дело в том, что ты недостойна его. Если ты думаешь, что твои встречи с этим рабом... как его... Малех, кажется, остаются тайными, то глубоко ошибаешься. О них известно верховному евнуху и мне. Пока только нам... Пока... – она настойчиво подчеркивала последнее слово.

Гюльжан упала на колени и подползла к ногам, обутым в изящные черные туфли.

– О госпожа, помогите мне! – простонала она. – У меня нет сил больше терпеть, госпожа. Я всей душой желаю, чтобы Исмаил вернулся к вам, потому что люблю Малеха. Помогите мне бежать с ним, и вы снова разделите ложе с великим падишахом.

Айше оторопела. Ее смуглое лицо стало белее снега.

– Ты не понимаешь, о чем просишь! – прошептала она. – Это невозможно.

– Для вас нет ничего невозможного. – Гюльжан обнимала ее стройные ноги, скрытые под широкими штанами. – Придумайте что-нибудь. Я даже не прошу у вас деньги. Просто помогите нам выйти из дворца, и мы сядем на первый же корабль. Клянусь, вы никогда обо мне не услышите, и падишах снова полюбит вас.

Первая султанша смягчилась.

– Встань, не ползай, как крыса, – буркнула она. – Я обещаю что-нибудь придумать. Жди.

– Благодарю вас, госпожа. – Гюльжан поцеловала ее руку. Служанка вывела ее из покоев, и девушка принялась ждать полудня, чтобы обо всем рассказать Малеху. Но только они бросились друг другу в объятия, их схватили стражники и поволокли во дворец.

Ее ввели сразу в тронный зал, где восседал дрожавший от гнева и обиды Исмаил. Айше стояла по его правую руку, ехидно улыбаясь. Черкешенка поняла, что хитрая турчанка нашла лучший способ избавиться от соперницы. У Исмаила дергались губы и руки, и, запинаясь, он спросил:

– Разве я не любил тебя, о Гюльжан?

– Любил, мой господин, – отвечала черкешенка, потупив взгляд.

– Разве не подарил я тебе в знак своей любви алмаз, который стоит как несколько царств, и разве не носишь ты его на своем пальце? – Он заметил, как камень сверкнул в солнечных лучах, а девушка прокляла себя, что надела его. Она хотела отдать кольцо Малеху, чтобы тот отдал его капитану корабля, готовому увезти их подальше от падишаха.

– Ношу, мой господин, вот он, – едва вымолвила Гюльжан. – Твой перстень всегда со мной.

– Так почему же ты обманула меня и стала любить простолюдина? – воскликнул Исмаил. В его голосе звучали боль и гнев.

– Это неправда, меня обогали, мой господин, я люблю только тебя! – закричала она и зарыдала, в отчаянии заламывая руки. Мысль о том, что вероломная Айше победила, жгла, не давала покоя. Но еще больше беспокоило то, что сделают с ее возлюбленным.

– Не лги мне! – страшным голосом прорычал повелитель и обратился к своим визирям: – А ну-ка, приведите сюда этого негодяя!

Слуги бросились исполнять приказание и вскоре ввели красивого голубоглазого молодого юношу и поставили на колени перед падишахом рядом с плачущей Гюльжан.

– Вот твой любовник! – крикнул он, обращаясь к одалиске. – Сознавайся, ты всходила с ним на ложе любви?!

Гюльжан, качая головой, громко зарыдала.

– А ты что скажешь, несчастный раб, грязный червь, сын собаки? – обратился падишах к юноше. – Говори правду, все равно погибнешь.

Молодой человек взглянул прямо в злые, налитые кровью глаза властелина, тряхнул белыми кудрями и с наглой гордостью ответил ему:

– Да, падишах. Я полюбил Гюльжан, а она полюбила меня. Полюбила потому, что ты старый, немощный баран, от которого женищину может только тошнить. Мы проводили с ней волшебные ночи в твоём саду... Ты упомянул о смерти... Я не боюсь ее. В моей жизни уже случилось то, о чем я мог только мечтать.

Все стояли, как камни, слушая возмутительные слова бедного раба и не веря своим ушам.

Падишах в гневе вскочил, затопал ногами и, тряся сжатыми над головой кулаками, закричал:

– Казнить обоих! Сейчас же!

– Слушаюсь, о величайший из величайших, – сказал палач и направился к юноше, чтобы немедленно исполнить приказ Исмаил-бея.

Но когда он приблизился к незадачливому любовнику, произошло то, чего никто не ожидал. Юноша ловким движением выхватил висевший на поясе у одного из охранявших его стражников длинный кинжал и внезапно вонзил его в грудь своего господина. Лезвие вошло в тело, как в масло, падишах упал, и в тот же момент палач отточенным движением снес дерзкому юноше голову. Гюльжан ахнула, бросилась к лежащему на полу луноликому и прижала к его кровоточащей ране подаренный им бриллиант. Еще ее мать говорила, что драгоценный камень может останавливать кровь и возвращать жизнь. Однако это не помогло. От его крови огромный бриллиант стал красным – и только. Видя окровавленную голову соперника, голубые глаза которого закатились и подернулись дымкой, умирающий произнес:

– Теперь перстень начнет убивать. Он стал цвета крови и будет жаждать ее постоянно. Гюльжан, избавься от него.

– Она не успеет этого сделать, – вперед выступила Айше. На ее красивом лице сияла торжествующая улыбка. Черкешенка поняла, что султаниша избавилась от нее более действенным способом. Здесь, в гареме, не прекращалась слежка, в том числе и за ней, и ей не хотелось отвечать за побег. Пусть лучшие возлюбленных казнят. Тогда Гюльжан действительно никогда не встанет на ее пути. – Схватите ее, – приказала она стражникам, – и обязательно отнимите перстень. С ним я стану владеть миром!

Охрана поспешила исполнить приказ, но девушка, проворная, как кошка, молнией бросилась к дверям, выбежав из покоев в сад. Пробираясь сквозь заросли, она слышала топот бегущих воинов, но он ее не пугал. Жизнь без любимого потеряла всякий смысл. Когда бедняжка добежала до озера с фламинго и кувиинками, она, размахнувшись, бросила перстень в воду, а потом, вдохнув полной грудью, кинулась следом. Стража выловила уже холодный труп красавицы. Никакого перстня с кроваво-красным камнем на ее руке они не нашли и отправились во дворец, волоча по земле мертвое тело любимой женищины падишаха. А между тем кольцо, словно не желая заканчивать свой путь на дне озера, упало на широкий глянцевый, по цвету напоминавший лягушечью кожу, листок кувиинки, и большой селезень, случайно залетевший в сад к местным уткам, проглотил его, приняв за корм. В какую страну он унес его, кому потом досталось сокровище, получившее название «Кровь падишаха», – об этом не знали многие века. На земле вспыхивали кровопролитные войны, стирались с лица государства, менялись правители. Был ли замешан в этом перстень, который, насытившись кровью врагов своего хозяина, жаждал его крови? Об этом никто не знал. Никто не знал, как он оказался в русской дворянской семье, не принося несчастий ни им, ни их друзьям. Вероятно, эти люди никому не желали зла, и перстень задремал до поры до времени, пока что-то не пробудило его дьявольскую силу.

Пролог 1977 год. Москва

– Мама, мама, почему этот дядя так одет? Жарко же, мама.

Пухленькая, светленькая девочка лет восьми, в зеленом платье в черную клеточку, с забавными ямочками на кругленьких щечках, слегка тронутых румянцем, моргала длинными пушистыми ресничками.

– Мама, ну почему? Давай скажем ему, что он простудится. Нельзя одеваться тепло, когда жарко. Он вспотеет и заболит, правда, мамочка?

Она дергала за руку красивую женщину с белокурыми волосами, уложенными в высокую прическу.

– Мама, скажи ему, мама.

Женщина бросила взгляд на худого молодого человека лет тридцати, облаченного, несмотря на жару, в длинный плащ и шляпу и безучастно стоявшего возле столба на остановке, кишевшей людьми. Его лица она не разглядела, да и не стремилась к этому. «В автобус мы не попадем, – пронеслось у нее в голове. – Господи, сколько же ждать следующего?»

– Мама, мама, скажи ему, – ныла дочка.

Дама слегка дотронулась до головки девочки, украшенной огромным зеленым искрящимся бантом, похожим на гигантскую бабочку-махаон:

– Леночка, может быть, дядя болен. И потом, некрасиво приставать к незнакомым. Он уже достаточно взрослый, чтобы самому решать, как одеваться.

– Ну, если ты так считаешь... – произнесла Лена, подражая матери, и дернула плечиком: – Да, наверное, ты права.

Она переключилась на крошечную облезлую болонку, вырывавшую поводок у пожилой женщины с огромной авоськой в руках:

– Мама, а купи мне песика!

– Этот вопрос мы, кажется, уже обсуждали, – отозвалась мать, поправляя и без того идеальную прическу. – Если ты готова вставать посреди ночи и идти гулять со своим питомцем, папа подарит тебе щенка. Если же нет и вся работа падет на мои плечи, ни о каких животных не может быть и речи.

– Я сказала, я сказала! – Девочка так сильно дернула руку женщины, что та пошатнулась и открыла рот, ярко обведенный помадой, чтобы утихомирить ребенка, но тут же передумала, увидев подходявший автобус. Толпа ринулась к нему, как стадо бизонов. Мужчины, забыв об элементарной вежливости, работали локтями, наступали женщинам на ноги, пробираясь к дверям. Обдавая даму едким запахом пота, они и не пытались пропустить ее вперед.

– Быдло! – брезгливо заметила она. – Самое натуральное быдло. Понаехали из деревни! Будто столица резиновая. Лимита!

Она оттащила дочку, чтобы толпа, штурмовавшая автобус, не покалечила ее.

– Мама, мы не успеем! – удивленно сказала Лена. Дама махнула рукой:

– Ничего, подождем другой. Он придет более пустой, вот увидишь.

– Но я хочу домой, – заупрямилась девочка. – Я устала. Ножки болят.

Она рванулась вперед, потащив за собой мать, но автобус уже тронулся с места, оставив кучку недовольных переругивавшихся людей.

– Мама, смотри, что это? – Лена нагнулась и подняла с тротуара что-то блестящее. – Это колечко, мама.

Женщина взяла драгоценность и поднесла ее к большим голубым глазам. Последние лучи заходящего солнца осветили ее, как на выставке, позволяя разглядеть каждый камешек. Это

был огромный старинный перстень. Дама поняла, что он старинный, потому что такой причудливой формы она никогда не видела, разве в кино. Большой рубин сиял, как капля крови, отбрасывая красноватые отблески. Крошечные бриллианты, окаймлявшие его, как диадема голову принцессы, играли всеми цветами радуги – от ярко-красного до фиолетового.

– Какое чудо! – вырвалось у нее. Женищина хотела опустить драгоценность, словно с неба упавшую ей в руку, как чей-то дар – не божий, она не верила ни в бога, ни в дьявола – в сумочку, но порядочность взяла свое.

– Гражданин, – громко обратилась она к остаткам толпы, высматривавшей следующий автобус, – кто обронил кольцо?

На ее счастье, люди попались честные. Они устало глядели на перстень, морщились и качали головами.

– Надо бы в милицию, – подсказала пожилая хозяйка болонки, наконец утихомирившая животное, и, поддерживая ногой авоську, набитую до отказа, добавила: – Или в бюро находок. Хозяин ить первым делом туда заявится.

– Да, спасибо, – согласилась дама. – Я так и сделаю. Она опустила кольцо в сумочку и потянула дочь за руку.

– Этот чертов автобус мы так и не дождемся. Поедем на такси.

– На такси? – удивилась Леночка. – Мама, я не ослышалась? На такси? Ты всегда говорила, что это дорого.

– Сегодня я устала и хочу поскорее лечь спать, – отозвалась мать. Девочка захлопала в ладоши:

– Ура! Ура!

Ведя дочь к стоянке такси, женищина решила, что ни в какую милицию она не пойдет. Этот перстень, так неожиданно свалившийся на них, останется у нее. Мужу она, конечно, ничего не скажет, зная его щепетильность. Он немедленно разовьет бурную деятельность и отыщет владельца кольца, а ей в утешение подарит другое, возможно, самое красивое и дорогое в ювелирном. Но ей не нужно другое – только это. Рубиновое чудо, некогда украшавшее холеные пальцы какой-нибудь знатной дамы, будет покоиться в тайнике, дожидаться своего часа. Кто знает, может быть, она так его и не наденет. Однако драгоценность всегда пригодится на черный день. Черный день... Пока ничто его не предвещает, но мало ли... В тот момент дама была недалеко от истины.

Часть 1

Приморск, 2016 год

Глава 1

– Вы сегодня прекрасно справились с заданием, Галя. – Аркадий Петрович пожал своими огромными потными ручищами маленькую влажную ладошку миниатюрной смуглой девушки с чуть раскосыми черными глазами и выющимися смоляными волосами до плеч. – Я в вас не ошибся. Переговоры прошли блестяще. Французы обещали доставить необходимое оборудование через месяц. Об этом я мог только мечтать! И все благодаря вам.

На оливковых щеках Гали разлился румянец, делая ее еще более привлекательной.

– Вы мне льстите, Аркадий Петрович, – смущенно ответила она и опустила ресницы. Директор фирмы в который раз отметил, что они были длинными, загнутыми кверху без всякой специальной туши. О таких ресницах его жена мечтала всю жизнь, но не могла достичь желаемого результата даже с помощью лучших косметологов.

– У меня и в мыслях не было польстить вам, – отозвался он и посмотрел на группу французов, возглавляемую Жаном Мари Бертье, высоким шатеном в безукоризненном костюме. Перехватив взгляд Аркадия, Жан Мари улыбнулся, показав великолепные, явно вставные зубы, и кивнул.

– Я всего лишь переводила то, что говорили вы, – тихо заметила Галя. Аркадий Петрович махнул рукой:

– Пусть так, но вы делали это прекрасно. Теперь ведите группу в «Итальянский дворик». Лариса уже договорилась с менеджером. наших гостей ждет замечательный обед.

Дождавшись, пока шеф отойдет, к ней подбежал переводчик с итальянского Юрка Митин, хитро улыбаясь и подмигивая:

– Можно поздравить? – О, как ее раздражали его высокий голос, напоминавший о визгливых рыночных торговках, и лисья неискренняя улыбка. Тусклые глаза цвета болотной тины ошупывали ее, будто рентгеновские лучи, и это тоже было неприятно. Несколько лет назад, узнав о ее разводе с мужем, Юрка пытался ухаживать, сначала неловко, кладя на стол букеты растрепанной сирени с тошнотворным запахом, который она терпеть не могла, потом конфеты – леденцы, прилипавшие к зубам и цеплявшиеся за них до вечера, затем и вовсе осмелел и пригласил к себе посмотреть какую-то старинную картину Рембрандта. Галя сама не понимала, зачем приняла его предложение. Картины, естественно, не оказалось, зато на столе, покрытом старой серо-белой скатертью в многочисленных шрамах, сиротливо стояла бутылка водки, в тарелке розовела вареная колбаса, краснели помятые помидоры, в хлебнице с отбитыми краями высились толсто нарезанные куски. Все вызывало тошноту и желание бежать отсюда без оглядки. Впрочем, к столу они так и не подошли. В прихожей Митин прижал ее к стене, оклеенной потертыми обоями, воровато пытаясь раздеть, а она, еле сдержав «мульку», как выражался ее отец, что есть силы оттолкнула его и бросилась из квартиры, боясь, что ее вырвет прямо на пол. Совесть Галю несколько не мучила, однако на следующий день она пришла на работу с неприятным чувством, не зная, как вести себя с Митиным, но мужчина встретил ее как ни в чем не бывало, а дня через три приперся без приглашения к ней в гости, нагло прошел в гостиную, и мама Гали, Елена Васильевна, усадила его пить чай. Юрка наслаждался чаепитием долго и бесцеремонно, интересовался историей семьи, просмотрел все фотографии и ретировался только тогда, когда Галя намекнула на позднее время.

– Между нами ничего не может быть, – твердо сказала она ему на лестничной клетке, косясь на приоткрытую дверь вездесущей тети Даши. – Давай просто дружить.

– Я буду добиваться тебя, – пообещал он, и девушка еле уклонилась от прикосновения влажных губ.

– Попробуй.

И он пробовал, продолжая дарить леденцы, которые она оставляла на столе, и регулярно навещал ее мать, беспомощно разводившую руками:

– Ну не выгонять же этого мальчика! А потом, иногда хочется поговорить о своих родителях. Его интересуют подробности нашей прошлой жизни, и мне это нравится. Знаешь, наступает такое время, когда хочется вспоминать и вспоминать, даже если воспоминания не самые приятные.

– Ты не спрашивала, зачем ему подробности? – буркала Галя. – Обычная семья с невинно осужденным, кстати, пока не реабилитированным. Ему-то какое до этого дело?

Мать пожимала худыми плечами. Она сильно сдала за последнее время, но утверждала, что это нервы, а не проблемы со здоровьем.

– Не знаю. Пусть приходит. Наша семья всегда славилась гостеприимством.

– Пусть приходит к тебе, – уточнила дочь, сказав надоедливому ухажеру то же самое. После этого разговора визиты Митина почти прекратились. Да и с ней Юрка стал вести себя более корректно, как друг. Известные сплетники фирмы утверждали, что он переключился на кого-то из их коллектива, но вот на кого – это оставалось тайной за семью печатями. Вот почему она улыбнулась в ответ, не выказывая раздражения, стараясь подавить его:

– Поздравь.

Он дотронулся до ее плеча вечно влажными пальцами:

– Поведешь их в ресторан?

– Да, да, конечно. – Девушка сделала шаг к французам, послав Жану Мари самую очаровательную улыбку, но в сумочке надрывно загудел телефон, и она, спешно расстегнув «молнию», с тревогой глянула на дисплей. Мама! Господи, неужели у нее опять приступ? Галина с волнением нажала на кнопку.

– Доченька, – послышался хриплый голос Елены Васильевны, – мне очень плохо, доченька. Совершенно нечем дышать. Я уже открыла все окна и все равно задыхаюсь.

– Мама, немедленно вызывай «Скорую», – распорядилась Галя. – Я буду через десять минут.

Она бросила телефон обратно и повернулась к шефу:

– Аркадий Петрович, пусть Лариса отведет французов в ресторан. Я должна срочно ехать домой. Моей маме плохо.

Шеф фыркнул с неудовольствием, выпятив толстые лоснящиеся губы.

– Лариса не знает ни слова по-французски, – буркнул он. – Это невозможно. В ресторан группу поведешь ты – и точка. Я тебя никуда не отпускаю.

– Миленький Аркадий Петрович, – девушка молитвенно сложила руки, – умоляю вас! Если я не приеду, моя мама может умереть. Я боюсь, что она потеряет сознание и не откроет врачам!

На холеном лице шефа читалось полное равнодушие. Жирные щеки тряслись, как ступень. Гале захотелось ударить его чем-нибудь тяжелым.

– Я все равно уеду, – твердо сказала она.

Толстые губы издали звук, похожий на выстрел.

– Если ты сейчас покинешь группу, завтра приходи и пиши заявление по собственному, – процедил он.

Галя пожала плечами:

– Я так и сделаю.

Кивнув ничего не понимавшим французам, она перекинула сумку через плечо и помчалась к стоянке такси. Хозяин небольшого серебристого «Форда», явно кавказской национальности, с профилем попугая и черными жгучими глазами навывкате, сразу устремился к ней:

– Куда, красавица? Домчу быстрее оленя.

В голове у Гали юлой закрутилась дурацкая мысль: почему быстрее оленя? Неужели машина едет медленнее? Нужно посмотреть в Интернете скорость этого грациозного северного животного. Тьфу! Она с негодованием отогнала глупость, так некстати заполнившую мозги. Наверное, это защитная реакция. Думать о чем угодно, только не о плохом.

– На Пушкина, – объявила кавказцу девушка, даже не поинтересовавшись, за сколько рубликов житель гор домчит ее до дома. Он сам добавил как-то доброжелательно, словно догадавшись, что у нее беда.

– Не бойся, ценой довольна останешься.

Она и не боялась, хотя знала: если сейчас потратиться на такси, неделю придется ездить на троллейбусе и вставать с петухами. Кавказец заботливо приоткрыл дверь, усаживая ее на пассажирское сиденье:

– Куда, ты сказала? К самому подъезду доставлю такую кралю.

Он причмокнул толстыми, красными, как спелые вишни, губами, над которыми, как редкий лес, курчавились усы. Галя повторила адрес, и «Жигули» сорвались с места. Таксист не обманул: довез ее довольно быстро, но девушке казалось, прошла целая вечность. Она не слышала, какую цену он назвал, лишь лихорадочно сунула в широкую коричневую ладонь несколько скомканных сторублевок, что-то пробормотала и, войдя в подъезд, стала подниматься по лестнице. Ноги подкашивались, в горле пересохло. Волнение отпустило лишь тогда, когда Галя увидела запертую дверь. Молнией пронеслась мысль, что мама не вызвала «Скорую», а значит, ей не так уж и плохо. Девушка не стала нажимать старую потрескавшуюся кнопку звонка, дребезжавшего так, что звенело в ушах, хотя всегда любила, когда мама открывала ей. Достав ключ, она еле попала в замочную скважину. В квартире, давно не знавшей ремонта, царила тишина – мертвая, напряженная.

– Мама! – крикнула Галя и бросилась в спальню. Елена Васильевна лежала на простынях, такая бледная, что почти сливалась с ними, и тяжело, хрипло дышала. Галя присела на стул рядом с кроватью.

– Mamочka, ты меня слышишь?

Женщина открыла глаза, похожие на синие, бездонные омуты, которыми так восхищалась бабушка. Увидев дочку, она улыбнулась чуть-чуть, лишь уголки посиневших губ дрогнули:

– Милая моя! Опять я сорвала тебя с работы! Ну что теперь скажет твой начальник?

– Это неважно, мамочка, – Галя погладила ее руку, тонкую, аристократическую, с голубыми жилками. – Тебе очень плохо?

– Чуть не задохнулась, – призналась Елена Васильевна. – Такое впечатление, что я лишилась легких.

– Ну почему ты не вызвала «Скорую»! – укоризненно сказала Галина и направилась к телефону. Мать с тревогой следила за ней. Она с детства боялась врачей.

– Не нужно, доча, – прошептала она. – Это, скорее всего, сердечная недостаточность. Сбегай за валидолом, я положу его под язык. Так всегда делала твоя бабушка.

Галя решительно сняла трубку старого оранжевого аппарата.

– Я куплю тебе валидол, когда врач поставит диагноз, не раньше, – твердо произнесла девушка и набрала 103. На том конце отозвались сразу, выслушали, не перебивая, о состоянии больной и пообещали прислать машину как можно скорее. Бросив трубку на рычаг, Галя снова присела рядом с матерью.

– После их визита я буду за тебя спокойна.

– Если они заберут меня в больницу, я оттуда не вернусь, – Елена Васильевна потянула дочь за прядь волос. – Не отдавай меня, пожалуйста. Если мне суждено сегодня умереть, пусть это произойдет дома, на моей кровати.

– Mamочka, ну что ты такое говоришь? – изумилась Галя. – Тебе всего лишь пятьдесят четыре года, ты даже не пенсионерка. Ну кто собирается на тот свет в таком возрасте?

– Доча, со мной никогда такого не было, – возразила мать. – Возможно, врачам удастся что-то сделать, возможно, и нет. Вот почему я должна сказать тебе... – Она снова начала задыхаться. Галя вскочила и побежала на кухню, чтобы согреть маме воды. Она даже не представляла, какие лекарства дают в таких случаях, и лишь молча молилась на маленькую иконку Матроны Московской в обычной рамке, купленную как-то в церковной лавке. Святая словно слышала ее молитвы: через несколько секунд в квартиру позвонили.

– Это «Скорая»! – радостно закричала девушка. – Сейчас они тебе помогут!

Она бросилась открывать, забыв, что и не запирала дверь. Доктор средних лет, с угрюмым худым лицом деловито осведомился:

– Куда проходить?

Галя с трудом глотнула от волнения и, поймав сочувственный взгляд молоденькой медсестры, повела их за собой:

– Сюда, пожалуйста.

Елена Васильевна продолжала задыхаться и уже закатывала глаза. Врачу хватило доли секунды, чтобы оценить обстановку. Он выдал слабую улыбку, но глаза болотного цвета выражали тревогу.

– Давно задыхаетесь? – поинтересовался мужчина и, не дожидаясь ответа, вытащил стетоскоп и деловито распорядился: – Помогите матери обнажить спину.

Девушка бросилась к задыхавшейся, бледной Елене Васильевне и осторожно усадила ее на подушки.

– Mamочka, нужно... – начала она, но женщина кивнула:

– Оставь. Я сама.

Она подняла розовую фланелевую ночную сорочку, местами залатанную, и Галя почувствовала стыд. Ну почему она не настояла, чтобы мать купила себе новые вещи, когда Аркадий Петрович выделил ей хорошую премию? Теперь вот совестно перед доктором. Что он о них подумает? Однако лицо врача оставалось бесстрастным. Он приложил стетоскоп к белой исхудалой спине, и Елена Васильевна поморщилась:

– Холодный.

– Лето на дворе, – процедил мужчина. – Дышите. Задержите дыхание.

Впервые на его лице появилось что-то похожее на сострадание. Он повернулся к Галине:

– Рекомендована срочная госпитализация.

– Срочная госпитализация? – со страхом переспросила она. – Все очень серьезно, доктор?

– Трудно поставить диагноз без снимка, – буркнул врач. – Флю давно делали?

– Я проходила диспансеризацию в прошлом году. – Елена Васильевна продолжала хрипеть. – Мне сказали – все в норме.

– Значит, сердечная недостаточность, – констатировал доктор. – Все равно без больницы не обойдетесь.

Галя схватила его за холодную руку.

– Доктор, – умоляюще произнесла она, – не нужно ее в больницу. Неужели нет дорогих лекарств, которые ей помогли бы? Может быть, надо делать уколы? Я умею, я буду ухаживать, только не отправляйте ее в больницу.

Врач деловито посмотрел на часы. Медсестра стояла возле него каменным изваянием.

– В принципе я не могу настаивать, – сказал он, стараясь говорить как можно мягче. – Если вы откажетесь от госпитализации – это ваше право. Но предупреждаю: вы бессильны что-

либо сделать самостоятельно. В легких вашей матери – вода, нужен снимок для постановки окончательного диагноза. Даже при самом благоприятном раскладе вы не уберете жидкость, и она задохнется через полчаса. Если вы согласны на это – что ж, хозяин – барин, мы удаляемся. – Он встал и кивнул медсестре: – Поехали, Кира. Нас больные ждут.

– Но постойте! – Галя снова схватила его за руку. – Сделайте ей укол! Вы не можете вот так ее бросить!

Доктор мягко снял ее ладонь со своего запястья:

– Могу и сделаю, потому что, помимо вашей матери, есть и другие люди, нуждающиеся в нашей помощи. Вы отказываетесь от предложения, значит, дальше действуйте сами. Кстати, об уколах и таблетках. Они не очистят легкие, нужна система. Вот теперь я сказал все. Прощайте.

Елена Васильевна зашлась в сильном хриплом кашле. Мужчина бросил укоризненный взгляд на Галю, словно говоря ей: «Ты ведь сама этого хотела». И девушка приняла решение:

– Госпитализируйте.

– Постойте! – На внезапно постаревшем, багровом от напряжения лице женщины появилось упрямое выражение. – Я никуда не поеду.

Врач развел руками:

– Милые мои, решайте скорее.

– Она поедет! – твердо сказала Галина и, открыв шкаф, достала большую сумку, с которой ее мать обычно ездила в командировки. – Мама, подумай, какие вещи ты возьмешь?

– Я никуда не поеду. – Елена Васильевна перестала кашлять и отвернулась к стене.

– Мама, я не допущу, чтобы ты умерла у меня на руках раньше положенного срока. – Галя бросала в сумку все: нижнее белье, халат, платье, кофту и юбку, отмечая про себя скудность и ветхость гардероба матери. – Да, захватим еще тарелку, кружку, ложку, вилку, зубную щетку, пасту и мыло.

– Не забудьте постельное белье, – подсказала медсестра.

– Не забудем. – Сумка оказалась заполненной доверху, и девушка подняла ее: – Мама, собирайся. Что ты хочешь надеть?

– На улице жарко, – предупредил доктор. – Если какой-нибудь легкий халат...

Второго халата у Елены Васильевны не было, и дочка помогла ей натянуть тонкую кофточку и старую летнюю юбку в белую и синюю клетку.

– Сами дойдете? – поинтересовался врач.

– Да уж постараюсь. – Женщина поджала губы и направилась к двери. У порога она вдруг крепко обняла свою девочку.

– Ты что, мамочка? – изумленно спросила Галя. Елена Васильевна снова захрипела, губы ее посинели, но ей удалось произнести:

– У меня плохое предчувствие. Я больше сюда не вернусь.

– Да что ты такое говоришь? – Галина взяла мать под руку и вывела на лестницу. – Там тебя приведут в порядок. Ты же слышала, что сказал доктор. Я этого сделать не смогу.

– Ну, может, и так, – не стала спорить Елена Васильевна. – Пойдем, дочка.

Когда они вышли во двор, женщина вздохнула полной грудью и мечтательно произнесла:

– Как хорошо! Так бы и сидела на скамейке! И дышится легче.

– Еще посидите на скамейке, – произнесла медсестра. – Не пройдет и недели, как вернетесь домой.

Ее слова порадовали Галю и вселили в нее уверенность. Ее мама не может умереть, ей обязательно помогут! В больнице она будет под наблюдением.

Врач поддержал больную, когда она садилась в машину.

– Боже, как не хочется! – простонала Елена Васильевна, бросив взгляд на дом. – Как не хочется уезжать!

– Ты вернешься через неделю, – заверила ее Галя. – Живая и здоровая. И мы с тобой обязательно куда-нибудь поедем.

Женщина ничего не ответила. Всю дорогу до больницы она кашляла и с тоской смотрела в окно.

В приемном покое, у которого их высадила «Скорая», пожилая медсестра с серым от усталости лицом и небольшими усами над верхней губой, делавшими ее похожей на мужчину средних лет, поинтересовалась у врача:

– Георгий, еще одну привез? Кардиологическая, что ли? Учти, в кардиологии мест нет.

– Лидия Степановна, кладите ее в терапию, в пульмонологию, в конце концов! – буркнул доктор. – Ее нужно положить, вы понимаете? – Он сделал большие глаза, и Гале стало страшно. Какой же диагноз поставил ее матери этот человек? – Сейчас вам выпишут все направления, пойдете на рентген, сдадите кровь – и вас определят в палату, – повернувшись к девушке, сказал он. – На этом я с вами прощаюсь.

Гале снова стало страшно, как будто их покидал кто-то близкий.

– Ее спасут? – прошептала она.

– Надеюсь, – ответил доктор. – Во всяком случае, здесь все для этого сделают.

Он быстро выбежал из здания, и вновь поступившими занялась пожилая медсестра. Видя тяжелое состояние Елены Васильевны, она подвезла каталку, усадила на нее больную и показала по коридору.

– На рентген пройдем без очереди. – Лидия Степановна толкнула дверь с белой табличкой, не обращая внимания на кричащую и стонущую очередь, лишь бросила куда-то в сторону: – У меня больная тяжелая, граждане. Ну, будьте же людьми!

Галя пыталась пробиться следом, но медсестра буркнула:

– Ждите здесь.

Озверевшая очередь набросилась на девушку, обвиняя ее во всех смертных грехах, но Галина их не слышала. Она напряженно размышляла. Самым важным для установления диагноза врач считал снимок. Когда же он будет готов? Сразу или на следующий день? Если на следующий день, когда же маму начнут лечить? И какое лечение ей назначат? Она добьется, чтобы рентгенолог сию минуту описал снимок, даже заплатит, если придется. Девушка навалилась на дверь и отлетела к стене, когда Лидия Степановна сильной рукой распахнула ее и вывезла коляску с полуживой от усталости матерью.

– Скажите, когда будет готов снимок? – бросилась к ней Галя.

– Минут через десять. – Медсестра смахнула с усов каплю пота. – Стой тут. Тебе все вынесут.

– Куда же вы ее повезете сейчас? – с тревогой спросила девушка. – Где я вас найду?

– А в приемном и найдешь, – отозвалась Лидия Степановна. – Без снимка мы не поместим ее в отделение. Тебяждемся в любом случае.

– Мамочка, я скоро! – Галя хотела обнять Елену Васильевну, но женщина, кашлянув, как-то неловко завалилась набок, и Лидия Степановна, толкнув каталку, побежала по коридору.

– Что с ней? – Галя рванулась следом, но медсестра остановила ее сильной рукой:

– Я же сказала – заberi снимок! Буду ждать тебя в приемном.

Вскоре она растворилась в полумраке коридора, пахнувшего хлоркой. Галя отвернулась к стене и, стараясь не думать о плохом, принялась ковырять синюю облупившуюся краску.

На ее удивление, рентгенолог довольно быстро расправилась со снимком и вскоре стояла на пороге, сочувственно глядя на Галину.

– Снимок и заключение покажете в приемном покое, – она вздохнула, но больше ничего не сказала, как-то неловко дернула плечом и скрылась. Трясущимися руками девушка поднесла к глазам заключение. Она редко понимала почерк врачей – то слишком размашистый, то микроскопический, наверное, и рассчитанный на то, чтобы пациенты не прочитали лишнее.

Но слово, написанное по-латыни, и цифры возле него бросились в глаза, как приговор. Канцер, 4-я стадия... Галя побледнела, схватилась рукой за сердце, отчаянно забившееся в груди, как пойманная в силки птичка, и опустилась на холодный пол, судорожно вдыхая синтетический запах антисептиков. Канцер... Это значит рак. Четвертая стадия. Не может быть! Это неправда! Рентгенолог что-то напутала. Не обращая внимания на крики толпы, она заглянула в кабинет.

– Этот снимок, – едва слышно произнесла Галя. Губы и язык будто распухли и мешали ей говорить. Однако врач все поняла без слов.

– К сожалению, деточка, это так, – выдохнула она. – Крепись, моя хорошая. И скорее иди в приемный.

Твоей матери требуется срочная помощь.

– Это неправда, – прошептала девушка и потеряла сознание. Она очнулась на узкой кушетке. Склонившаяся над ней медсестра с белесыми бровями и забавными веснушками, совсем еще девчонка, наверное, только после медицинского колледжа, держала возле ее носа ватку с нашатырем.

– Мама! – Галя вскочила, намереваясь бежать, но сестра остановила ее.

– Снимок передан в отделение терапии, куда положили вашу маму, – пояснила она, избегая смотреть Гале в глаза. – Сейчас вы ничем не поможете Елене Васильевне. Она под аппаратами.

– Мне нужно поговорить с лечащим врачом. – Бедняжка отодвинула ее руку. – Девушка, вы видели снимок? Есть хоть какая-то надежда?

Изящная рука с длинными пальцами потрогала маленький золотой крестик на груди.

– Все мы в его милости. Молитесь. У нас бывали совсем безнадежные случаи, когда лучшие врачи разводили руками. Но родственники не теряли надежду, и больные выздоравливали. Молитесь иконе Божьей Матери «Все-царица». Читайте акафист.

– Спасибо. – Галя встала с кушетки и сунула ноги в босоножки. – Как мне пройти в терапию?

– Прямо по коридору, – пояснила девушка. – Я тоже буду молиться за вашу маму. Ее лечащего врача зовут Герман Борисович. Это лучший доктор нашего отделения.

«Единственная хорошая новость за сегодняшний день», – отметила про себя Галина, шагая как сомнамбула. Ей почему-то казалось, что лучший доктор должен обязательно что-то сделать, помочь, вылечить, а если не вылечить совсем, то, по крайней мере, продлить жизнь.

Герман Борисович, на ее удивление, оказался совсем не таким, каким она его представляла. Лучший врач, по ее мнению, должен быть пожилым, умудренным опытом седовласым старцем, но перед ней предстал высокий, стройный голубоглазый мужчина с густыми русыми волосами, стриженными коротко, по-военному.

– Герман Борисович Боростовский, – отрекомендовался он на пороге терапевтического отделения. – А вы, как я понял, дочь Елены Васильевны Лопатиной. – Галя еще не успела кивнуть, как он продолжил:

– Все понятно, – на его вытянутом лице заходили желваки. Девушка встрепенулась:

– Что вам понятно? – крикнула она так громко, что сидевшая в коридоре и мирно дремавшая бабушка широко распахнула глаза и принялась оглядываться по сторонам. – Что вам понятно? Что моя мама умирает?

Доктор молчал. Вероятно, ему нечем было крыть. Это еще больше разозлило Галю.

– Мне сказали, что вы лучший врач в отделении. Почему же вы ничего не делаете?

– В настоящий момент мы сделали все, что могли. – Деловой тон Боростовский сменил на мягкий, доброжелательный, убаюкивающий. – Сейчас из легких вашей матери откачивают жидкость.

Его лазурные глаза не выражали оптимизма. Девушка задрожала.

– Я слышала, в больницах нет лекарств для лечения таких пациентов. – Бедняжка споткнулась на слове «таких». – Но все это меня не волнует. Скажите, что требуется, чтобы моя мама поправилась? Купить самые дорогие лекарства? Выписывайте рецепт! – Она повернулась, с брезгливостью оглядывая койки, рядами стоящие вдоль стен коридора, и несчастных больных под тонкими серыми одеялами. Все это больше напоминало какой-то приют, но не государственную больницу. – Оплатить отдельную палату? Я и на это готова. Моя мать не будет лежать в проходе. Не будет, вы слышите?!

– Если хотите, можете завтра забрать ее домой. – Герман как-то сморщился, съежился, словно ему было стыдно произносить такие слова. – Но это в том случае, если вы в состоянии оплатить медсестру и врача, которые будут ее навещать.

Галя лихорадочно закивала:

– Да, да, конечно. Я найду деньги. Так вы выпишете мне лекарства?

Он вздохнул:

– Ладно, пойдемте ко мне в кабинет.

Кабинет не был его личным и предназначался как минимум для трех человек. За столом возле окна уже сидела какая-то блондинка с короткой стрижкой и с раздражением что-то писала. Увидев Германа, она кивнула:

– Привет. У меня Сазонова умерла. Ты в курсе?

– В курсе и очень удивлен, – буркнул мужчина, недоброжелательно глянув на коллегу. – Неужели ничего нельзя было сделать?

Женщина покосилась на Галю, но все же откровенно ответила:

– Знаешь, лекарства от старости еще не придумали. Доктор побагровел:

– Ты считаешь, что старикам лечение не нужно? Пусть их привозят сюда умирать?

Смазливое личико блондинки с глубокой ямочкой на подбородке, придававшей ее чертам что-то детское и скрадывавшей хищное выражение, покрылось бледностью.

– Ты хочешь сказать, что я ничего не предприняла для спасения пациентки? – поинтересовалась она. – В таком случае бери ее карту и неси главному. Я готова тут же уволиться, если он признает твою правоту.

Герман махнул рукой:

– Ты сама прекрасно знаешь, что сделала и что не сделала. А к главному я не пойду. У нас хватает лизоблюдов.

Галя с уважением посмотрела на молодого доктора. Как хорошо, что ее мама попала именно к нему! Уж он-то точно сделает все возможное, чтобы продлить ей жизнь.

– Садитесь, – будто вспомнив о посетительнице, Боростовский придвинул к ней кресло. – Сейчас я все вам выпишу.

– Только самые дорогие и эффективные! – взмолилась Галя.

– «Самые дорогие и эффективные»! – передразнил ее Герман. – Позвольте, девушка, мне самому решить, что принимать больной.

Он быстро стал черкать что-то на рецепте. Галя, как завороченная, следила за его рукой.

– Доктор, – произнесла она, когда Герман ставил свою размашистую подпись, подкрепляя ее личной печатью, – не согласитесь ли вы приходить к моей матери? Ну, пожалуйста, я заплачу сколько вы скажете.

Врач оторвался от рецепта и пристально посмотрел на просительницу. В его лазурных глазах прятались печаль и жалость.

– Ладно, – согласился он. – Сегодня она у нас полежит, завтра приезжайте за ней на такси. Сейчас сбегайте в аптеку и купите все необходимое.

Галя закивала, дергая головой, как китайский болванчик.

– Да, конечно. Скажите, я могу ее увидеть?

– Она под аппаратом, – пояснил врач. – Мы укололи снотворное, и ваша мама спит. Ей откачали жидкость, должно полегчать. Позже вы вполне можете ее навестить. А сейчас делайте то, что я вам сказал. Вечером принесете лекарства.

Галина прижала руки к груди, выражая благодарность, и опрометью понеслась по больничному коридору. Аптека находилась неподалеку от клиники и считалась лучшей в городе. В ней всегда толпилось много народу, большая часть которого наверняка состояла из родственников пациентов или самих пациентов. Когда наконец подошла ее очередь, Галя сунула рецепт в окошко полной женщине с кроваво-красными губами и замысловатым сооружением на голове. Та равнодушно пробежала глазами написанное.

– Все есть. Это будет стоить... – она минуту поколдовала у компьютера и назвала сумму. Руки девушки с тонкими пальцами нервно затеребили замок сумочки.

– Сколько вы сказали?

Женщина озвучила непомерную сумму, просто немыслимую для ее кошелька. Галя не имела даже трети.

Равнодушная аптекарша монотонным голосом повторила сухие цифры.

– Но у меня... – растерялась Галя. – Господи, почему так дорого?

– Гражданка, либо берите, либо не задерживайте очередь, – буркнула женщина. – Думаю, врач предупредил вас о ценах. Бесплатно мы ничего не выдаем.

Девушка порылась в сумочке и достала рыжий кошелек из натуральной кожи – ее гордость, купленный на премию.

– У меня всего лишь десять тысяч, – сказала она и умоляюще взглянула на аптекаршу. – Что я могу взять на эти деньги?

Женщина кинула на прилавок небольшой пузырек:

– Только это. Но препарат нужно принимать в комплексе с другими лекарствами, иначе не будет эффекта. Береете?

– Беру. – Галя решительно бросила деньги в пластмассовое блюдо, подождала, пока аптекарша отпечатает чек и упакует пузырек. Прижав драгоценное лекарство к своей груди, девушка вышла из аптеки в солнечный зной. Герман не обманул и не преувеличил, когда сказал, что лечение будет очень дорогим. Но чтобы настолько дорогим! После покупки всего лишь одного пузырька у нее не осталось ни копейки денег, а завтра нужно забирать маму на машине и оплатить услуги врача и медсестры. Она стояла возле небольшого старого фонтана, с натугой выбрасывавшего в воздух слабую ржавую струю, и, глядя на наглых голубей, пытавшихся пить мутную воду, напряженно размышляла. Лихорадочно работавший мозг подсказывал только одно решение: отправиться на работу и просить Аркадия Петровича выдать ей аванс. Правда, и он не окупит все необходимые услуги, но все-таки... Девушка пошарила в кармане, нащупывая мелочь, которой должно было хватить на троллейбус, дождалась транспорт и поехала в фирму.

Поднявшись на второй этаж огромного здания, служившего пристанищем нескольким организациям, Галя прошла по мягкому красному ковру длинного коридора и толкнула дверь в приемную шефа. Молодая секретарша Лариса, стройная, как модель, и с такими же параметрами, увидев ее, откинула рыжие волосы, копной спадавшие на точеные плечи.

– Галя? Аркадий сказал, что ты уволена.

– Как прошел обед с французами? – ничего не ответив, спросила девушка. – Обошлись без меня?

Лариса покраснела.

– В общем, справились, хотя с тобой вышло бы лучше.

Галя махнула рукой:

– Только не ври, что вы были на грани катастрофы. Ты ведь учишься на французском отделении иняза, я правильно сказала? Если не ошибаюсь, диплом тебе получать в будущем году. Не говори, что ты от страха забыла все слова.

Лариса стала пунцовой, как спелый помидор.

– Я забыла не от того, что не знала, а от того, что растерялась, – пролепетала она. – У меня в отличие от тебя нет никакой языковой практики.

Галя лишь улыбнулась про себя. В другой раз она обязательно порадовалась бы промаху Ларисы, поступившей в институт по протекции Аркадия Петровича. Как сотрудницы его фирмы эту протекцию получали, догадался бы даже тупой. В семнадцать лет Лариса стала любовницей на подхвате, имея одно достоинство: она не просила шефа уходить из семьи, чего требовала его постоянная пассия, финансовый директор Татьяна, прекрасно понимая, что при разводе ее возлюбленный останется без гроша – фирма числилась за женой.

– Ладно, судя по всему, позора избежать удалось, – констатировала Галина. – Шеф у себя? Один?

– Один, и страшно злой на тебя, – отозвалась Лариса с хорошо читаемым ехидством. Ее изумрудные глаза при этом смотрели невинно – этакий ребенок! – Так почему ты сбежала?

– Моей матери стало плохо, она чуть не умерла, – пояснила Галя. – Я отвезла ее в больницу, и там выявили рак легких.

Секретарша постаралась изобразить сочувствие:

– Правда? Печально. Но чего же ты хочешь от Аркадия Петровича?

– На лечение матери понадобятся большие деньги, – сказала Галя. – Сейчас мне никак нельзя уходить с работы. Я еще не писала заявления и надеюсь, что он оставит меня. Вспомни, сколько раз я выручала шефа по выходным, работала бесплатно, без всякой премии.

Лицо Ларисы приняло бесстрастное выражение.

– Ну, зайди к нему, – ответила она неуверенно. – Хотя наш шеф своих решений не меняет.

– И все же я попробую. – Галина дернула полированную дверь кабинета и смело вошла. Босс сидел за столом, попивая свой любимый кофе. Он мог употреблять его литрами и при этом прекрасно спал по ночам в отличие от нее. Для девушки даже один глоток отзывался бессонницей. Увидев Галю, Аркадий Петрович, не прерывая своего занятия, сверкнул на нее стальными глазами:

– Принесла заявление? Беспокоить меня было необязательно. Оставь у Ларисы и катись на все четыре стороны. Ты чуть не сорвала мне встречу, и я не желаю тебя больше видеть. Никогда.

– Аркадий Петрович! – умоляюще произнесла девушка. – Моя мама чуть не умерла, ее срочно госпитализировали. У нее рак, четвертая стадия. Для лечения потребуются большие деньги. Прошу вас, не увольняйте меня! Мне очень нужна эта работа.

Стальные глаза ничего не выражали, но двойной подбородок потрясывался, как желе, от еле сдерживаемого гнева.

– Ты смеешь говорить мне о своих проблемах? – взвился шеф. – Даже думать об этом не смей! Немедленно пиши заявление и убирайся вон. Если я когда-нибудь увижу тебя возле моей фирмы – прикажу охраннику, чтобы хорошенько отметелил.

– Аркадий Петрович! – На черных ресницах Гали повисли слезы. – Ну, будьте человеком, Аркадий Петрович. У вас, наверное, тоже есть мать. Ради вашей матери не увольняйте меня.

На секунду на лице шефа появилось доброе выражение, но только на секунду.

– Не трожь мою мать, дрянь! – визгливо заорал он, и в двери показалась довольная мордочка Ларисы.

– Я не нужна?

– Зачем тыпустила ее ко мне? – продолжал бушевать начальник. – Немедленно позови охранника, и пусть он вытолкает ее в шею. Я хочу, чтобы она ушла прямо сейчас. И не нужно никакого заявления. Ты сама напишешь от ее имени.

– Не имеете права! – заорала вдруг Галя в тон Аркадию Петровичу. – Я буду жаловаться на вас, я все расскажу, что знаю...

На ее удивление, шеф вдруг успокоился, словно разом выпил пузырек валерьянки.

– Ты мне угрожаешь? – спросил он почти доброжелательно. – Вот и отлично. Теперь ходи и оглядывайся по сторонам, чтобы не отправиться на тот свет раньше своей матушки.

Галя схватила со стола прибор с ручками и швырнула в мужчину:

– Негодяй! Какой же вы негодяй!

Она выбежала из кабинета. Визгливые крики смолкли только у выхода. Что ж, она сюда больше не вернется. Это факт. Но, может быть, все к лучшему? Этот зверь в любом случае не разрешил бы уйти с работы, если бы ей это понадобилось. Нет, надо искать место получше. Впрочем, легко сказать – получше. Ей нужно найти работу как можно скорее, ведь в кошельке не осталось ни копейки. Оглянувшись в последний раз на окна фирмы, которую она еще недавно считала вторым домом, Галя зашагала к остановке. Нешадное июньское солнце палило, словно адский огонь, и девушка спряталась в тень, отбрасываемую раскидистым каштаном.

– Галя, подожди!

Девушка обернулась. К ней на всех парусах мчался Митин. Густые рыжие волосы Юрки развевались, как пиратский флаг.

– Что тебе нужно? – недоброжелательно спросила Галина. – Мы с шефом все обсудили. Я на пушечный выстрел не подойду к этой проклятой организации. Скажи Лариске, пусть потопится с заявлением. О, как я вас всех ненавижу!

– Зря ты так. – Митин прищурился, и Галя впервые заметила, какие у него длинные, мягкие, пушистые ресницы – как у девчонки. – Я хотел помочь. Тебе известно мое отношение к Елене Васильевне. Ей я нравился, несмотря на то что не нравился тебе.

– Допустим, – не стала спорить Лопатина. – И как ты собираешься помочь?

– Аркадий, конечно, принципиальный, но и с ним можно найти общий язык. – Митин шагал рядом, вытирая пот клетчатым платком. – Ты в курсе, что в прошлом году у него случился конфликт с Гусевым?

Гусев работал в фирме аудитором и был на хорошем счету.

Галя покачала головой:

– Я никогда не интересовалась сплетнями фирмы.

– И зря, – заметил Юрка. – Ты, должно быть, в курсе, что шеф ценил Гусева, как и тебя. Да, да. Я не преувеличиваю. Сколько раз он говорил, что рад такому специалисту, – он тряхнул огненной гривой. – Но дело не в этом. В прошлом году у Гусева заболела дочь, потребовалась срочная дорогостоящая операция. Гусев пробовал отпроситься во внеочередной отпуск, потом клянчил деньги в счет будущей зарплаты, а тут, как назло, приехали иностранцы заключать договор, и Аркадий Петрович во всем Гусеву отказал. Тот пригрозил, что все равно не придет, и угрозу свою выполнил, тогда шеф подготовил приказ о его увольнении. – Митин улыбнулся и подмигнул. – И это несмотря на его отношение к Гусеву.

Короче, проходит время, с дочерью Гусева все хорошо, операция прошла удачно, а вот деньги закончились. Бедняга явился сюда и попросился обратно. Аркаша, естественно, отказал. Тот ушел несолоно хлебавши, крикнул даже, что Петрович локти кусать будет, но работу нигде не нашел. Ты сама знаешь, как тяжело с работой в нашем городишке. В общем, помыкался Гусев, достал какие-то антикварные серьги с бриллиантами и понес Аркадию. Ты в курсе, что он собирает антиквариат, чтобы одаривать им Таньку? Эта фифа, кроме дорогих старинных вещей, ничего больше не носит.

– Правда? – удивилась Галя и попыталась вспомнить, какие же золотые вещи она видела на основной любовнице шефа. Да, кажется, было бриллиантовое кольцо немислимых размеров из червленого золота, потом замысловатые серьги грушевидной формы с сапфиром. Ей они показались слишком вычурными. А это, оказывается, антиквариат, который стоит немислимых денег!

– Ты хочешь сказать, что Аркадий, заполучив раритетную вещицу, взял Гусева обратно? – поинтересовалась девушка у довольного Митина. – Но у меня нет и десяти рублей, не то что антиквариата. Получается, путь обратно мне заказан.

– Извини, но в это я не поверю, – покачал головой незадачливый ухажер. – Мне известна история вашей семьи. Твой дед был генералом, занимал немалую должность, пока его... в общем, странно, если у вас не завалилась какая-нибудь ценная побрякушка, подаренная дедом бабушке, а ему – каким-нибудь подчиненным.

– Я говорила, что деда посадили по доносу! – вскрикнула Галя. – Он никогда не брал ничего чужого! И у нас нет ничего, кроме старой мебели.

Юрка развел руками:

– Это ты так считаешь. Поговори с матерью. Сейчас она станет более откровенной.

– Да она всегда была со мной откровенной, потому что мы вдвоем уже давно! – Лопатина сжала кулачки, почувствовав, как ногти впиваются в кожу, и вскочила: – Прощай!

Юрка хмыкнул вдогонку:

– Во всяком случае, это единственный шанс вернуться.

Галя ничего не ответила. Покинув тень и подставив голову палящему солнцу, она тяжело вздохнула. Утром забирать мать, а у нее нет ни копейки. О каком антиквариате может идти речь, если завтра нечего будет есть?! А маме сейчас нужно хорошо питаться, проклятая болезнь отнимает последние силы. Что же делать? Что? Девушка опустилась на скамейку под старой акацией с толстым морщинистым стволом и задумалась. Может, у кого-нибудь занять? Но ни у нее, ни у мамы нет таких знакомых, которые дадут взаймы. Она вспомнила тетю Женю, соседку с первого этажа. Однажды Елена Васильевна пыталась перехватить у нее триста рублей до получки. Сын тети Жени, серьезный бизнесмен, разъезжал на крутой машине и давал матери ежемесячно тысячу долларов, которые та спокойно проедала в разных дорогих ресторанах. Этой даме суммы в триста рублей не хватило бы даже на карманные расходы... Однако в ссуде она отказала.

– Леночка, деньги счет любят. Если я тебе одолжу, ты обязана вернуть. Но ты же не вернешь. Вы с дочкой – нищета.

Напрасно уверяла мама, что эти несчастные рубли она уж точно отдаст. Тетя Женя закрыла дверь перед самым ее носом. К сожалению, богаче этой тетки в их подъезде никого не было. Подруги Гали сами перебивались от получки до получки. В маленьком городке высокооплачиваемая работа не водилась. От бессилия что-либо сделать Галина уронила голову на руки и застыла, как скорбное изваяние. Какой-то скрип заставил ее дернуться и обернуться. Полненький розовощекий малыш катил по тротуару на трехколесном велосипеде в сопровождении бдительной матери и еще более бдительной кавказской овчарки. Ребенок доехал до того места, где цементная поверхность дорожки вспучилась, приподнятая древесным корнем, и переднее колесо его велосипеда уперлось в холмик. Он продолжал крутить педали, но ничего не получалось, так что пришлось мамочке ему помочь. На мгновение забыв о грустных мыслях, Галя улыбнулась и подумала: если бы у нее был ребенок... Пусть даже от Славика, которого она сначала любила без памяти, потом так же страстно ненавидела, а теперь вспоминала о нем без боли и сожаления. Ребенок спас был ее от страха и одиночества.

– Галка? Ты ли это? – раздался над ухом знакомый до боли голос.

Девушка подняла голову и увидела невысокого мужчину, облаченного в джинсы и белую, без единого пятнышка, выглаженную до скрипа рубашку. Светлые волнистые волосы, как всегда, идеально лежали на голове, придавая ему вид фата. Рыжеватые усики едва курчавились над верхней губой. Зеленые кошачьи глаза смотрели удивленно и доброжелательно. Ох, всегда они так смотрели, только поступки этого человека оставляли желать лучшего, потому, в конце концов, и оказались они оба в ЗАГСе с заявлением о разводе. Итак, перед Галей стоял ее бывший муж Славик, о котором она подумала несколько секунд назад.

– Ты плохо себя чувствуешь? – поинтересовался он. – Или никак не хочешь реагировать на мое случайное появление в твоей жизни?

– На твое случайное появление в моей жизни мне придется отреагировать, – буркнула девушка. Сытый, холеный вид бывшего мужа, работавшего кардиологом в местной поликлинике, ее раздражал.

– Что-то случилось? – Он сел рядом, предварительно вытерев скамейку рукой, и она опять поморщилась. Стремление к аккуратности до фанатизма тоже раздражало.

– Так что случилось? – повторил бывший доброжелательно и настойчиво.

– Раз я не отвечаю – ничего, – не очень любезно отозвалась Галя, и, вопреки ее воле, слезы хлынули из глаз, скатываясь по щекам, как по американским горкам, и падая на легкую розовую кофточку.

Славик придвинулся ближе:

– Ну-ка... – Он приобнял девушку, и она вздрогнула от его прикосновения. Мужчина сделал вид, что ничего не заметил, и продолжил как ни в чем не бывало: – От тебя не убудет, если ты поделишься со мной своей проблемой. Что-то мне подсказывает, что она у тебя имеется.

Галя всхлипнула. Славик был прав. Излить кому-нибудь душу, попросить совета – это все, о чем она сейчас мечтала. И пусть жилеткой на этот раз поработает бывший – в конце концов, не все ли равно, раз ее положение безнадежно?

– Мама в больнице, – начала девушка сквозь слезы. – Меня уволили с работы, и у меня нет ни копейки, чтобы купить лекарства. Да что там лекарства! – Она махнула рукой. – Завтра нам будет нечего есть! – Галя еще что-то сбивчиво говорила, но Славик остановил ее:

– Постой, постой... Ты сказала, Елена Васильевна в больнице? Что с ней?

– Рак легких, четвертая стадия, – всхлипнула бедняжка.

– Четвертая стадия? – непритворно охнул бывший муж. – Но как же так? У нее всегда было хорошее здоровье.

Галя ничего не ответила.

– Значит, тебе нужны деньги на лекарства, а денег как раз и нет, – констатировал Слава.

– Ни копейки, – призналась девушка. – Все, что имелось, я потратила на этот пузырек, – она достала дорогой флакон. Слава взял его в руки и с интересом прочитал этикетку.

– Да, это вряд ли поможет, если не принимать его в комплексе.

– Завтра я забираю маму домой, – продолжила Галя свою печальную повесть. Ее черные, как спелые вишни, глаза источали горе.

– Зачем же? – удивился бывший муж. – Разве ей там плохо? Кстати, в какой больнице она лежит?

– Во второй, – сообщила девушка.

– Как я понимаю, ее поместили в терапию. – На гладком загорелом лбу Славы собрались морщинки, и Гале захотелось прогладить их утюгом. – Постой! – Он хлопнул в ладоши. – В этой больнице работает прекрасный врач – онколог – Герман, мой однокурсник. Хочешь, я позвоню ему и все разузнаю?

Галя покачала головой:

– Герман – ее лечащий врач, – печально сказала она. – И он не посчитал нужным меня обнадеживать, даже, наоборот, предупредил, что ей уже ничего не поможет. Самые дорогие лекарства просто продлят жизнь, но ненадолго.

– Зачем же тогда такие мучения? – Слава крепче обнял бывшую жену, и она не сопротивлялась. – Зачем ты забираешь ее? В отделении она, по крайней мере, под наблюдением лучшего врача.

– Герман сам посоветовал мне забрать ее, – выдохнула девушка. – А, впрочем, даже если и не посоветовал бы... В отделении не хватает мест, некоторые лежат в коридоре. Я не хочу, чтобы моя мама лежала в коридоре.

– И то верно. – Слава задумался. – Знаешь, а ведь я могу тебе помочь. Дай мне рецепт...

Она покорно раскрыла сумочку и протянула ему бланк. Бывший муж впился взглядом в размашистые строки.

– Возможно, мне удастся достать все необходимое по гораздо меньшей цене, – проговорил он. – Это – во-первых. Во-вторых, не стесняйся и скажи: сколько вам с Еленой Васильевной нужно денег? Я могу одолжить... – Он покраснел и добавил: – Безвозмездно. Для Елены Васильевны мне ничего не жалко. Вспомни, твоя мать всегда хорошо ко мне относилась в отличие от тебя.

– В отличие от меня? – переспросила Галя. – Ты, наверное, забыл, дорогой, что было время, когда я к тебе тоже хорошо относилась. И это продолжалось бы по сей день, но ты сам все испортил.

Слава скривился.

– Давай не будем ворошить прошлое. Мое недостойное поведение – твоя выдумка, и я не хочу говорить на эту тему.

– Выдумка, что я увидела тебя в постели с другой женщиной? – усмехнулась Галя. – Выходит, мне не нужно было верить своим глазам?

– Я тебе сто раз объяснял, что ту ситуацию подстроила Лиля, между прочим, твоя лучшая подруга, которой не давало покоя наше счастье, – парировал он. – Стоило тебе уехать в командировку, как она приперлась ко мне и принялась соблазнять. В первый и во второй раз я ее послал, но в третий она жалобно попросила чашечку кофе, и я не мог отказать. Потом Лилия уговорила меня составить ей компанию, попросила печенье и, пока я искал его в буфете, что-то плеснула в мою чашку. Так что, милая, я ничего не помню, кроме того, что проснулся с ней в одной постели, а ты стояла рядом и глядела, как фурия.

Галя дернула узким плечиком.

– Все это я уже слышала, – вздохнула она. – Кстати, как поживает моя лучшая подруга? Вы еще не расписались?

– В тот день я обругал ее матом и попросил не приближаться на пушечный выстрел, – улыбнулся бывший муж. – С тех пор не видел и не слышал.

– Разве вы не поженились? – удивилась девушка.

– С какой это стати? – фыркнул он. – На кой она мне нужна? Мне нужна ты...

Галя покраснела и сменила тему.

– Слава, как бы то ни было, денег брать у тебя не хочется, – начала она. – Но выбора у меня нет. Как говорится, нищие не выбирают. Поэтому я займу у тебя немного, пока не устроюсь на работу, но потом верну все до копейки.

– Знаю, знаю, гордячка! – Слава дружески похлопал ее по плечу и поднялся. – Много не одолжу, но недостающую сумму можно взять у моих друзей. А теперь идем в больницу. Я хочу увидеть Елену Васильевну и поговорить с Германом.

Галя кивнула.

– Идем.

Глава 2

В вымытом до блеска больничном коридоре стояла тишина. Галя и Слава надели бахилы и огляделись в поисках доктора. Его нигде не было.

– Не подскажите, где Герман Борисович? – спросил Слава у молодой смазливой медсестры. Та указала на дверь ординаторской:

– Там.

Бывший муж решительно вошел в кабинет. Галя осталась за дверью. Она боялась услышать печальные новости.

– Господи, Герман, ты ли это? – послышался голос Славы, радостный, визгливый.

– Разве я так изменился? – проронил Боростовский, явно не выражая восторга от встречи с однокурсником. – А ты какими судьбами тут?

– У тебя лежит моя теща, – бывший муж тоже перешел на серьезный тон. – Елена Васильевна Лопатина. Как она?

– Плохо, – откровенно признался Герман. – И поэтому не спрашивай, сколько ей осталось. Речь идет о паре месяцев, даже недель.

– Зачем же ты выписал моей бывшей такие дорожные лекарства? – поинтересовался Слава. – У нее совсем нет денег.

– Твоя бывшая, как ты изволил выразиться, настояла на этом, – отозвался врач, взяв Славу под руку. Мужчины вышли в коридор, столкнулись с Галей, и Герман обратился уже к ней:

– Я все разложил по полочкам, правда, женщина? А вот домой забрать вы ее можете. Сам видишь, какие у нас условия, – он кивнул, указывая Славе на ряд коек, сиротливо стоявших возле стены, выкрашенной в крикливый темно-синий цвет. Старушка в белом платочке, укрытая цветастым одеялом, не сводила с посетителей глаз. Худощавый дедок, шевеля босыми желтыми ногами, что-то пил из пластиковой бутылки.

– Она пришла в себя? – выдавила Галя, набравшись храбрости. Раз Герман не говорит о ее матери в прошедшем времени, значит, Елена Васильевна жива. Доктор кивнул:

– Да, и просила пропустить вас к ней, если вы придете.

– Так почему же вы молчите? – Она рванулась вперед, но Слава удержал ее за локоть:

– Пойдем вместе.

Девушка высвободилась.

– Слава, прости, но я хочу побыть с мамой наедине, – виновато сказала она. Бывший муж, как всегда, все понимал с полуслова.

– Ладно, я зайду позже, – ответил он и повернулся к Герману: – Как поживаешь, дружище? Женат? Обременен детьми? Квартира, машина, дача?

– Холост, – коротко отозвался врач и подтолкнул Галю к выходу. – Пойдемте. Пока она в реанимации.

Ноги девушки снова сделались ватными от страха. Увидеть маму умирающей было выше ее сил, однако она храбро шагнула в палату, когда Герман распахнул перед ней дверь.

– Доченька! – донесся слабый голос, и в белизне простыней Галина разглядела лицо матери, озаренное радостной улыбкой. – Доченька пришла!

Она посмотрела на Германа, и тот приложил руку к груди:

– Ухожу, ухожу, только, умоляю, недолго.

Галя присела на стул возле койки.

– Мамочка, как ты?

– Лучше, слава богу, – голос Елены Васильевны был, на удивление, бодрым. – Уже не задыхаюсь, значит, иду на поправку.

– Да, доктор сказал, что ты поправишься, – бросив эту фразу, Галя подумала о том, что она прозвучала неубедительно.

Мать вздохнула.

– Ты так и не научилась врать, вся в меня, – она подавила улыбку. – Доченька, мы с тобой взрослые люди, и поэтому давай поговорим как взрослые. Я прекрасно знаю, что мне осталось недолго.

– Мамочка, что ты такое говоришь? – Девушка в бессилии развела руками. – Ну, давай пригласим Германа Борисовича, пусть он тебе скажет...

– Никто в нашей семье не доживал до пятидесяти пяти, – проговорила Елена Васильевна. – А все из-за проклятого перстня. Дочка, обещай продать его завтра же – сегодня все магазины уже, наверное, закрыты. Продай, деньги понадобятся на похороны и на жизнь.

Галя открыла рот. Черные, сросшиеся на переносице брови удивленно приподнялись:

– Какой перстень? – проговорила она, заикаясь. – Ты мне раньше не рассказывала.

– Этот старинный перстень я нашла на остановке автобуса, – продолжала Елена Васильевна. – Нашла и указала на него твоей бабушке. Лучше бы я этого не делала, потому что с него начались все наши несчастья. Твой отец, дед, бабушка... – Она снова стала задыхаться. Лоб покрылся потом. – Доченька, позови врача, мне плохо. Перстень лежит в деревянной шкатулке, где бабушка хранила серебряные ложки.

Она упала на подушку, а Галя опрометью бросилась в коридор. Герман, словно предчувствуя такой исход разговора, стоял возле двери. Увидев бескровное лицо девушки, он все понял и крикнул медсестре:

– В палату, живо!

Галя опустилась на жесткий стул в коридоре. Она не заметила, как к ней подошел Слава и взял ее холодную руку.

– Герман всегда творил чудеса. – Он попытался утешить бывшую жену. – И в этот раз ее вытащит, вот увидишь.

Девушка ничего не ответила, пытаясь вспомнить какие-нибудь известные ей молитвы, но в голову, как назло, лезла всякая чепуха. Наверное, сработала защитная реакция организма. Только от чего разум старался ее защитить? От смерти близкого человека? Что же там делает Герман? Почему так долго?

Будто бы услышав дочь своей пациентки, красный, расстроенный врач вышел из палаты. Когда он взглянул на Галю, в его лазурных глазах стояли слезы. Галя вскочила, как солдат при виде командира, и дико закричала:

– Нет! Нет! Только не это! – а потом упала на холодный, недавно вымытый пол.

Глава 3

Она очнулась в незнакомой комнате на кушетке, застеленной клеенкой. Слава склонился над ней с заботливым лицом.

– Как ты себя чувствуешь?

– Мама... – еле выдавила Галя. Бывший муж опустил голову.

– Да, моя хорошая, произошла остановка дыхания, а потом сердца. Герман ничего не мог сделать. Я видел ее снимки. Рак сожрал все легкие, представляешь? Герман выписал дорогие лекарства, потому что не хотел лишать тебя надежды. Он знал, что речь идет не о месяцах, а о часах.

Галя молчала, вытирая слезы.

– Родная моя, подумай, какая бы жизнь ее ожидала, если бы ты забрала ее домой, – продолжал Слава. – Жуткие боли, постоянные плевральные пункции, чтобы откачивать жидкость... Такие больные молят об эвтаназии, которая в нашей стране запрещена. Самое печальное то, что они все равно умирают, и старания родственников ни к чему не приводят.

– Ничего, – Галя кусала губы. – Пусть она пожила бы еще немного. Я облегчила бы ее страдания.

– Да, да, – не стал спорить с ней Слава. – Давай я отвезу тебя домой. Нужно готовиться к похоронам, – он почесал выбритый затылок. – Знаешь что? Хочешь ты этого или нет, я не оставляю тебя в такую трудную минуту. Завтра утром я уйду в отпуск за свой счет и помогу с похоронами. Тебе понадобятся деньги.

Галя не стала спорить:

– Хорошо.

– По возможности я освобожу тебя от всего, – пообещал Слава. – Ну, пойдем в машину. На негнущихся ногах девушка последовала за ним. Мужчина распахнул перед ней дверцу черного «Мерседеса»:

– Садись.

До дома Гали они доехали в полном молчании. На прощание бывший муж пожал ей руку и произнес:

– До завтра.

– До завтра, – эхом отозвалась она, с содроганием думая, что сейчас войдет в пустую квартиру, где все напоминало о матери. Клацнув ключом, она немного задержалась на пороге, а потом заставила себя шагнуть в темную прихожую. Жуткая тишина словно облила ее с ног до головы.

«Эти дни мне нужно быть сильной, – размышляла Галя. – Нужно отвлечься, не думать о плохом, чтобы выдержать похороны. Я обязана похоронить ее по-человечески».

Внезапно в голове молнией вспыхнула мысль. Перстень! О каком же перстне говорила мама? Среди ее колечек Галя никогда не видела такой драгоценности. Может, Елена Васильевна ни разу не надевала его? Девушка прошла в комнату, которую мать называла комнатой бабы Веры, и открыла старый сервант. Деревянная лакированная шкатулка с кое-где сошедшим лаком желтела на верхней полке. Девушка достала ее и с трепетом откинула крышку. Перстень лежал в самой середине, на красной бархатной тряпочке, массивный, из золота высшей пробы. В центре кольца красовался огромный рубин, обрамленный россыпью довольно крупных бриллиантов. Как он оказался на остановке, где его нашла мама? Кто потерял такое сокровище? И почему Елена Васильевна решила, что он принес несчастья их семье? Разве они с бабушкой что-то скрывали от нее? Да, им пришлось хлебнуть много горя, но разве им одним? Сколько угодно людей, переживших подобные проблемы.

Галя надела перстень на палец и полюбовалась им при свете люстры. Рубин отбрасывал на стены кровавые блики, бриллианты переливались всеми цветами радуги, создавая неповторимую игру красок. Только подумать, что такую красоту придется продать! Но это последняя воля мамы, и ничего не поделаешь. Галя положила перстень в шкатулку и убрала ее обратно в сервант. Потом она прошла на кухню и поставила чайник, продолжая думать о своих близких и пытаясь разгадать тайну перстня. Интересно, в каком году мать нашла его? Был ли дед к тому времени генералом, большим начальником? Бабушка рассказывала, в какой огромной квартире они жили, на какой даче отдыхали. Каждый день за дедом приезжала черная «Волга», чтобы отвезти на службу. Все разрушилось в одночасье. Однажды ночью за ним приехала машина, но не черная «Волга», а милицкий «уазик», и увезла навсегда. Потом ему предъявили чудовищное обвинение в хищении в крупных размерах, и дед, не выдержав позора, повесился в камере на собственном ремне, который у него почему-то не отобрали. Бабушка до последних своих дней утверждала, что уйти на тот свет ему помогли. Перед этим происшествием она ходила к нему на свидание. Дед выглядел бодрым, просил нанять хорошего адвоката и клялся, что невиновен.

– Меня отправил сюда начальник тыла, – утверждал он, – совершавший махинации. Я отказался помогать ему и закрывать глаза на хищения. За это он и упрятал меня в камеру, организовав подставу.

– Почему же ты не рассказал обо всем прокурору? – удивлялась бабушка.

– Да потому что он лучший друг этого тыловика, – горестно отвечал дед, – и топит меня с невероятным усердием. Думаю, тыловик делился со многими в нашем городе. Поэтому... – он посерьезнел и сжал руку бабушки, – Вера, если со мной что-то случится, знай: это их рук дело. Я собираюсь бороться и не планирую уходить на тот свет раньше времени. И потом, я люблю вас – тебя, нашу дочку, внучку. Милая, найди хорошего адвоката, но постарайся разузнать, не куплен ли он уже моими так называемыми друзьями.

Бабушка, вернувшись из тюрьмы, долго плакала, но потом, собравшись с силами, принялась обзванивать знакомых, которым доверяла. К вечеру она уже связалась с адвокатом, готовым вытащить деда из тюрьмы, но утром ей позвонили и сообщили печальную новость.

– Эти подонки свели с ним счеты, – тогда сказала бабушка матери. – Но зря они думают, что на этом поставлена точка. Я еще жива. И я добьюсь, чтобы они заняли его место.

С тех пор, как говорила Елена Васильевна, у ее матери умерла душа. Бабушка Вера перестала замечать дочь и внучку, замкнувшись в своем горе и отдавшись одной мысли – отомстить. Она бегала на телевидение, пыталась писать статьи в газеты, требовала пересмотра дела, наказания виновных и полной реабилитации мужа. Однако у нее ничего не получалось. А в один солнечный летний день ее выловили из моря. Следовательно, не слушая заверений Елены Васильевны, утверждавшей, что ее мать убили, закрыл дело, указав причину – несчастный случай. Действительно, следов насилия на теле несчастной не нашли, а вскрытие проводить не стали. Кому интересна пожилая особа, к тому же жена генерала, обвиненного в хищениях?

После гибели бабушки внезапно ушел отец. Он тоже был военным, и дедушка Гали, когда занимал большую должность, много помогал ему. Галя помнила отца как хорошего семьянина, любившего дочь и жену, и его уход – да не просто уход, а к другой женщине – что-то надломил в ней. Она, как раньше бабушка, замкнулась в себе, молча сносила насмешки одноклассников, обзывавших ее полоумной и интересовавшихся, куда вдруг делся ее папа. Дети порой могут быть очень жестокими. В одиннадцатом классе девочка словно воспрянула, целиком погрузилась в учебу, окончила школу почти с отличием и поступила в университет с первого раза. Галя давно мечтала стать переводчиком с французского языка. Почему именно с французского? Наверное, потому, что ее учитель по этому предмету, Павел Григорьевич, всегда относился к ней хорошо, не с подозрительной настороженностью, как другие учителя. Еще бы! Она – внучка уголовника, воровавшего тысячами! Именно Павел Иванович, узнав о гибели ее

бабушки, стал оставлять Галю после уроков и заниматься с ней совершенно бесплатно. Когда Елена Васильевна попыталась его отблагодарить, купив бутылку шампанского и коробку конфет – в их скромном бюджете и это пробивало брешь, – учитель с негодованием отверг подарки, объясняя свой отказ тем, что Галя талантлива, у нее есть способность к языкам и она схватывает все с первого раза. Ну, а произношению его ученицы можно только позавидовать! Если у других знаменитое дрожащее французское «р» звучало просто карикатурно, то выговор Гали вызывал у него радостную улыбку. Благодаря этому человеку Галину и приняли в университет с первого раза, несмотря на репутацию ее семьи. Девушка училась с упоением, получала повышенную стипендию. Ее мама стала мечтать о хорошем женихе, и он нарисовался совершенно неожиданно – как в старых добрых сказках. Однажды затворница и зубрилка Галя Лопатина согласилась пойти с подругами на танцы в медицинский. И, несмотря на то что девушка пыталась спрятаться за колонну, потому что комплексовала из-за своей немодной одежды – поношенной юбки в красную и черную клетку и серой, как осенний день, кофточки с оборками, – Славик уверял, что приметил ее сразу. Он пригласил ее на первый медленный танец, и Галя, положив дрожавшие от волнения руки на его широкие борцовские плечи, боялась взглянуть кавалеру в лицо.

– Почему вы меня так боитесь? – поинтересовался будущий врач с легкой насмешкой в голосе. – Разве я такой страшный?

– Я вас не боюсь, – Галя собиралась ответить довольно уверенно, чтобы парень не подумал, будто она такая уж тихоня, этакий синий чулок, однако голосок предательски сорвался, и он расхохотался:

– Ну, вот, а вы говорите... Не переживайте, вас тут не съедят, даже не укусят.

Она посмотрела ему в глаза – впервые за все время танца, – и поразились, какие они голубые и бездонные, как озера.

– А мы с вами еще не познакомились, – продолжал студент. – Меня зовут Владислав, а вас?

– А меня – Галя, – отозвалась уже осмелевшая девушка.

– У вас редкое имя, – улыбнулся красавец. – Помните, как в фильме «Ирония судьбы»? Она кивнула.

– У вас тоже редкое.

– Кстати, для друзей я Слава, – он подмигнул. – И для красивых девушек тоже.

Галя зарделась. Ей никто никогда не говорил таких слов.

– Ну-ну, не смущайтесь, – запел будущий врач. – Неужели вы об этом не знаете?

– О чем? – прошептала Галя.

– О том, что самая красивая, – повторил Слава. – Следующий танец – мой. И позвольте проводить вас домой.

Она позволила. Так и завязалось это странное знакомство. Почему странное, Галя сама не знала ответа на этот вопрос. Наверное, потому, что ей еще недавно казалось: она обречена на одиночество. Не покинет ли ее этот красавец, если узнает историю семьи? Она решила рассказать все, повстречавшись с ним полгода. Слава, на ее удивление, никак не отреагировал на сбивчивые объяснения, за что деда посадили в тюрьму. Он лишь махнул рукой.

– Все это ерунда, моя дорогая. Разве мало в истории примеров, когда сажали невиновных? Иногда их даже приговаривали к расстрелу и расстреливали. Так что судьба твоего предка меня несколько не поразила, – он обнял ее и поцеловал, а потом погладил черные волнистые волосы и с тревогой заглянул в смоляные глаза: – Значит, ты во мне сомневалась. А давай завтра подадим заявление в ЗАГС, чтобы у тебя отпали все сомнения.

Галя, пунцовая от счастья, ответила, что ей все же надо подумать, придя домой, все рассказала матери, и Елена Васильевна благословила ее.

– Мне очень нравится Слава, – сказала она. – И я рада, что он оказался порядочным парнем.

Молодые сыграли свадьбу. Поначалу Слава вел себя как самый настоящий «порядочный парень», но однажды случилось то, чего не ожидали ни мать, ни дочь. В тот злополучный день Елена Васильевна должна была задержаться на работе допоздна, а Галя уехала на практику в соседний город. Она собиралась там переночевать, но один из ее однокурсников, благодаря небедному папаше давно уже имевший собственный автомобиль, предложил всем желающим вернуться в Приморск. Девушка откликнулась на щедрое предложение с радостью и даже сейчас думала, что правильно поступила, не сообщив мужу о своем приезде. Славика ожидал сюрприз, и он его получил. Галя не знала, что любимый приготовил ей ответный подарок. Тихо, стараясь поменьше греметь ключом, она открыла дверь, сняла босоножки, прошла в спальню и оторопела. Слава, ее Слава, мирно дремал в объятиях лучшей подруги. Что произошло дальше, Галя помнила смутно. Наверное, ее память постаралась отгородиться от всего негативного. Иногда сознание все же выбрасывало ужасную картину: она рыдает и проклинает Славика, он что-то бормочет в свое оправдание, а Лиана, полненькая армянка, давно положившая на него глаз, стоит, потирая большие неженские руки, покрытые черными волосками. А потом неожиданно подросла мама и выгнала обоих – и подругу, и неверного мужа. Слава месяц пытался добиться прощения, но Галя была непреклонна. Они развелись, и девушка снова осталась одна.

– Ничего, найдешь другого, – уверяла Елена Васильевна, не понимая, что сейчас ее единственная дочь не может и слышать о мужчинах. Так случилось, что, живя с бывшим мужем в маленьком городе, они ни разу не встретились. Судьба свела их только в трудное для Гали время. Случайно это или нет, она не хотела задумываться. Обида горьким комом сидела в горле.

Воскресив в памяти неприятные воспоминания, девушка подошла к окну. Мягкие южные сумерки уже спустились на приморский город, звезды сверкали необычайно ярко, как бриллианты в перстне, так неожиданно оказавшемся в их семье. Приносил ли он несчастья? Так сочла перед смертью ее мама, но Галя после долгих размышлений придерживалась другого мнения. Разве мало семей, которые, подобно им, претерпели множество несчастий? Она знала, по крайней мере, три, на которые удары судьбы сыпались, как камни с горы во время землетрясения, и у этих людей не было ни перстня, ни какой-либо другой реликвии, способной притягивать неприятности. Галя плотнее закрыла штору и, подойдя к серванту, снова достала бабушкину шкатулку.

Перстень лежал на красной бархатной ткани во всей красе. Лопатина подумала: если он старинный, о нем может быть написано в Интернете. Она села за компьютер и уже через минуту знала, как называлось сокровище – «Кровь падишаха». С ним была связана какая-то темная история. Считалось, что он действительно приносит несчастья, его окружали легенды и преступления, однако она не стала вдаваться в подробности: строки расплывались перед глазами. Сегодня Галя была не в силах изучать историю кольца.

Девушка выключила компьютер, снова надела перстень на указательный палец и повертела перед глазами. До чего же он красивый! Как жаль с ним расставаться! Она задумалась. Что же сделать с этой драгоценностью? Отнести ювелиру и таким образом получить деньги на похороны и памятник? О том, чтобы занимать у бывшего мужа, не было и речи, хотя она ему и пообещала. А еще можно попытаться с помощью старинного сокровища вернуться на работу. Лариса говорила, что Аркадий Петрович обожает антикварные вещи. Если она не обманула, шеф не только возьмет Галю обратно, но еще и денег подбросит. Пожалуй, это правильное решение. Так она и поступит. Девушка с сожалением сняла перстень с пальца, уложила в шкатулку и, почувствовав сильную усталость, не раздеваясь, бросилась на кушетку. Через минуту она уже спала беспокойным сном.

Часть 2

Глава 1 Москва, 1977 год

Дежурный ГУВД, полный краснощекий капитан Будин, спокойно подремывал возле телефона. Обычно в будние дни происшествий случалось немного, особенно по утрам. Это по выходным в управление трезвонили все, кому не лень, даже подвыпившие жены, прося урезонить вконец упившихся мужей, или же мужики, хватив лишку накануне, устраивали разборки из-за пустой пивной бутылки. Сегодняшнее утро обещало быть тихим. Вот почему, когда по-старчески дребезжащий, потрескавшийся аппарат издал нечто похожее на звонок, Будин вскочил, словно по будильнику, и продрал заспанные глаза. Его рука, поросшая рыжими волосками, нехотя потянулась к трубке, поколдовала над ней, как бы в раздумье, но все же схватила короткими и толстыми, как сардельки, пальцами.

– Дежурный капитан Будин слушает.

– Скорее, скорее! – Мужской голос запинался от волнения. – Ее убили. Скорее!

Будин заморгал.

– Кого убили? Где? Говорите толком! И, пожалуйста, представьтесь.

– Я Сергей Шаповалов. Убили сестру моей жены Нину, и я обнаружил тело, – звонивший задышался, как астматик. – Приезжайте. Большой Левшинский переулок, восемь.

– Выезжаем, – коротко буркнул капитан и бросил трубку на рычаг. Его полное, лоснящееся от пота лицо выразило недоумение. Убийство тихим теплым летним утром? В Большом Левшинском переулке? Не сошел ли с ума несчастный, секунду назад занимавший телефонную линию? По воле случая капитан знал этот дом. В нем жила элита, да, та элита, которую государство за оказанные заслуги обеспечило всем необходимым. Старинный особняк со своей историей... Просторные квартиры в центре столицы с огромными отдельными комнатами и высокими потолками. Ему о таком районе приходилось только мечтать. Да, только мечтать, потому что он не артист и не певец. А чем его работа хуже? Он, можно сказать, денно и нощно возится в грязи, ловит всякую шваль, а они, чистенькие и холеные, знай, распевают и лицедействуют. Все же, что ни говори, а справедливости здесь нет. Прошептав что-то нечленораздельное и махнув рукой с досады, Будин придвинул к себе телефон и принялся набирать следователя Анатолия Петрушевского и лучшего оперативника Виктора Сарчука. Толя долго не отзывался, зато Сарчук сразу схватил трубку и крикнул бодрым голосом:

– Слушаю!

– Слушай, Витя, – ехидно произнес Будин. – Слушай внимательно. Клиент вас дожидается в Большом Левшинском переулке, восемь, труп то бишь. Советую поспешить. Сам знаешь, какая там публика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.